

НОВЫЕ РУССКИЕ ТЁТКИ

Цена в России
договорная.
За рубежом

\$500

**Лучше
сразу
скажи –
замуж
за меня
пойдешь?**

**Сегодня
я поняла,
что меня
принимают
за алкоголичку...**

**Секретный
сотрудник
из тебя
хреновый**

Маргарита Южина

**VIP-услуги
для змеюки**

ISBN 5-699-13704-1

9 785699 137046 >

СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕР

Маргарита Южина

VIP-услуги для змеюки

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161129

Ищи ветра в поле: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-19498-3

Аннотация

Люся и Василиса – сыщицы со стажем. На их счету не одно мастерски раскрытое преступление. Но в милиции уверены: тетки просто-напросто лезут не в свое дело, создают проблемы, да еще и жизнью рискуют! Конечно, рискуют – иначе отчего у Василисы все лицо в синяках? Так ведь бандиты разукрасили! Подруги опять бегут впереди паровоза, то бишь следственных органов: раз убили хозяйку парикмахерской, нужно выяснить, кто и за что. Ради того, чтобы собрать информацию, они готовы пожертвовать даже собственной красотой и сделать в подозрительной парикмахерской прическу... Сыщицы своего добились – теперь их пугаются даже преступники! Но расследование от этого быстрее не идет – все время мешает милиция...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	50
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Маргарита ЮЖИНА

VIP-УСЛУГИ ДЛЯ ЗМЕЮКИ

Глава 1

Больной – находка для здоровых

– Следующий! – открыл дверь кабинета стоматолог и призывно сверкнул зубами. – Смелее же!

Очередь враждебно молчала.

– Ну, у кого четвертая очередь? – настаивал врач.

Четвертая очередь была у хлипенькой девушки, но та все-таки собиралась в обморок, и врач уставился на Люсю.

– Проходите! – мотнул он головой и обратился к девушке: – И вы тоже. Посмотрите – женщина уже в почтенном возрасте, а вырывает зуб без наркоза. Вы полюбуйтесь на нее – героиня! Ни капли страха в очах! Щечки розовые! Спинка прямая! Не пациентка, а ягодка!

Люся ягодку не напоминала даже отдаленно, разве что сухофрукт, однако браво расправила плечи, швыркнула носом и бодрым шагом вошла в кабинет.

Следом прошмыгнула девушка.

– Сейчас мы женщине... Девушка, а вы садитесь, я вам укольчик сделаю. Пока у вас будет замораживаться, мы тут с героиней поработаем, – лучился обаянием стоматолог.

Люся уселась в кресло и посматривала на девчонку чуть свысока. Ох уж эти молодые! Боли терпеть совсем не умеют.

Девчонка слабо пискнула и притихла.

– Ну, теперь с вами... – потирал руки толстенький врач. – Что там у нас?.. Будем без наркоза делать? Здесь в общем-то зуб уже мертвый.

– Мертвый? Тогда никакого наркоза, – быстро предупредила Люся. – В прошлый раз новокаин так отходил, что от боли даже волосы поседели... у подруги, так я кричала. Нет уж, я потерплю. Тем более что все равно зуб мертвый, да?

– Конечно, мертвый, – пожал плечами врач и долбанул молоточком по больному зубу.

Люся подпрыгнула в кресле.

– Сидите спокойно, я же вам говорю – мертвый.

Врач ухватил какие-то блестящие штуковины, приладился поудобнее и рванул.

В следующий миг от мощного Люсиного вопля хлипенькая девушка с замороженной щекой кузнечиком вылетела из кресла, у медсестры попадали инструменты из рук, а в коридоре послышался слоновий топот. Вероятно, остальные дождавшиеся очереди пациенты решили прийти чуть позже.

– Ну вот и все, – вынырнул из ротовой полости счастливый стоматолог. – А крику-то, крику-то было! Подождите, я вам

ваткой рот заткну...

– Я те жаткну! Рвач! Ты што выдернул?! Кто говорил, што зуб мертвый?! – возмущенно шепелявила Люся. – Жалко наркожа для нежной женщины было, да?!

– Но позвольте, чего вы кричите, нежная женщина? – в вежливом гневе вытаращился доктор. – Вы же сами говорили, чтобы я к вам с уколом даже не приближался! И вообще, вы так непотребно кричали, что у меня, кажется, от ваших воплей челюсть вывихнулась. Позовите следующего!

Следующих не было, поэтому Люся могла от души наслаждаться беседой с доктором.

Хотя теперь, некоторое время спустя, Людмила Ефимовна Петухова шла по улице и об этом жалела.

– Вот и кто... кто за язык-то тянул?! – корила себя Люся. – Теперь жди неприятностей! Ну что за аномалия такая – никак нельзя мне голос повышать. Всем – можно, а мне просто никак!

Прохожие косились на женщину с перекошенной щекой, которая яростно размахивала руками и ссорилась сама с собой.

– Ну и что! – продолжала своеобразный диалог Люся. – А я не скажу Василисе, и все! Скажу, что врач мне благодарность вынес... вместе с зубом. Пусть Василиса гордится по-другой.

Однако что-то ей подсказывало, что Василиса Олеговна не слишком поверит.

– Черт! – бормотала себе под нос Люся. – Что же у меня под кофтой-то так скребет? Неужели своего же крика напугалась? Или денег жалко – столько зубному отдала за такую-то боль? Или тревога какая? Наверное, просто кофта колючая попалась. И все равно Васе ничего не скажу!

Люся с Василисой дружили давно. Они уже и сами не помнили, в каком году судьба столкнула их друг с другом, но с тех пор они больше не расставались. А так как ни у Люси, ни у Василисы Олеговны не было даже намека на мужей, то подруги даже поселились вместе, чтобы вторую квартиру сдавать в аренду. И взрослая дочь Люси Ольга, которая давно жила отдельным домом, и семейный сын Василисы Павел решение матушек только приветствовали.

– Ох ты, совсем забыла, у нас же Павел... – пробормотала Люся.

Она тут же утерла нос платком и быстренько растянула одеревеневшие губы в горделивой улыбке.

Сегодня с утра, не было еще и восьми, как в доме раздался звонок.

– Кто там женщин от сна отвлекает? – загремела щеколдой Василиса.

Она хотела выразиться и еще крепче, но в дверь ввалилась невестка Лидочка и обрушила на мать чуть живого Павла.

– Василиса Олеговна, выручайте! – выдохнула молодая женщина. – Вчера наш герой девчонкам на лыжах марш-бро-

сок устраивал. Решил, образно говоря, плюнуть в лицо морозу...

– Он что, сдурел, в такой холод плевать? Паша, ты больной, что ли? – покрутила пальцем у виска Василиса.

– Да, теперь больной, – подтвердила Лидочка. – А как вы догадались? Простыл. Температура. Больничный.

– Нет, ты посмотри, доплевался... Люся, хочешь на сибирского верблюда посмотреть? Его Пашей зовут! Лидочка, а девочки-то как? Катюша, Наденька, Ниночка?

– Ниночку я ему не дала, куда ей на лыжах, она босиком только-только ходить начинает.

И в самом деле – младшей ее дочери Ниночке не было и года, поэтому папаша позволил ей смотреть в окно, как они со старшими девочками закаляют организм.

– Вот изверг! – качала головой Василиса. – Старшая-то ведь только в первый класс пошла, а ну как бы застудил девчонок?

– Ну и что, что в первый! – разлепил красные больные глаза Паша. – Я вон в их годы – о-го-го!! Болел постоянно! А все потому, что ты меня, мама, никогда с собой на лыжах не брала. Правда, и сама не каталась. Вот и приходится сейчас... закаляться... Потому что я, мама, как ты знаешь, в милиции тружусь. А там всякие слюнтяи не нужны. Ой, мам, как бы мне на диванчик, а?

– Василиса Олеговна, вы уж нас простите, но пусть он у вас отлежится... – попросила Лидочка. – Дома, боюсь, детей

паразит, да и покоя они ему не дадут.

– Конечно, конечно, – заторопилась Василиса. – Люся, найдем, куда больного Пашку пристроить?

– Вася, ну что ты его еще не уложила? – возмутилась Люся, подпирая рукой некстати разболевшийся зуб. – Парень стоять не может... Да, Паша, это тебе не преступников ловить. Пойдем, уложу.

Сын Василисы Павел Дмитриевич Курицын и в самом деле работал в органах милиции. Правда, сейчас он на грозу преступного мира совсем не походил – руки висели плетьюми, ноги подкашивались, а по лицу, как по градуснику, можно было ясно видеть – тридцать девять и четыре.

– Лидия! Что ты тут выкладываешь? – накинулась на невестку Василиса, видя, как та трясет сумками. – Что уж, мы не найдем, чем собственного сына на ноги поставить? И зачем пеленки притащила? Неужели он и подняться не сможет? Забери пеленки, мы ему не позволим в кровать мочиться. В крайнем случае утку найдем или еще чего придумаем...

– Это не пеленки, а простыни, – залезла в сумку с головой Лидочка. – Паша сейчас температурит, его так потом испарина прошибет, что не успеете простыни менять. Так я свои принесла, чтобы вам не стирать.

– Забирай! Простыни она мне притащила... – надулась Василиса. – Не утонет твой Паша, вылечим. А теперь беги. Мне еще морс варить. С Люси-то помощница никакая, ей сегодня разлука с зубом предстоит...

Так что теперь Люся шла домой и облегченно вздыхала – с Павлом, пусть даже и с больным, им не страшны никакие неприятности. А у них с Василисой вечно что-то происходит, потому что умеют они ввязываться в разные истории, недаром же сыщицами себя считают.

Василиса встретила страдалицу с вытянутым лицом, но с горящими глазами.

– Жива? – коротко спросила она. – Ой, а перекосило-то... Ты знаешь, тебе с зубом лучше было... Но и так ничего, красивенько...

– «Красивенько»... Меня, может, там мучили, а я и не кричала совсем! Павел спит? – бурчала Люся, скидывая сапоги.

Василиса молча наблюдала, как подруга разувается, и все больше грустнела.

– Вася, а ты чего такая бледная? Прямо будто бы ты лицом тесто месила! У нас что сегодня – оладьи? – неловко попыталась шутить Людмила Ефимовна.

– Вот, Люся, сразу видно, что у тебя что-то оттяпали. При чем тут тесто? У нас не оладьи, а твой любимый салат – с крабовыми палочками и с сухариками.

– Да ты что, издеваешься, да?! Я только что зуба лишилась!

– Ну и зачем так кричать? Можно подумать, тебе кто-то в рот заглядывать будет, – обиженно поджала губы Василиса

и поплыла на кухню.

– А есть-то мне чем эти сухарики?! – взвилась, не выдержав непонятливости подруги, Люся.

В любое другое время Вася бы немедленно одернула ее, но сейчас только обреченно уселась на табурет в кухне и глубоко вздохнула. Еще минут через пять Василиса стала нервно заплетать тощую косу. Теперь Люся всполошилась не на шутку, ведь на голове у подруги были, надо сказать, совсем не кущи, и она это всячески скрывала – и маску маргаритовую творила, и киселем кудри поднимала, и пивом сдабривала, но неблагоприятные выглядели сносно только после жесточайшего начеса.

– Вася! Что за прическу ты себе творишь? – заволновалась за подругу Люся. – Что ты плетешь? Что случилось, Вася?!

– Да... понимаешь... вроде еще ничего...

– Не лги мне, Василиса! В последний раз ты такие тесемки из кудрей плела классе в третьем! Ты ж терпеть их не можешь! А сейчас... Говори, я уже ко всему готова! – толкала ногой подругу Люся.

Та все ежилась, отталкивала Люсину конечность и правду говорить не решалась.

– Вася... Можешь меня не щадить... Немедленно скажи мне, что у нас стряслось? Я требую! – топнула ногой Люся. Потом глотнула побольше воздуха, поникла головкой и добавила: – Говори, Вася, Финли сгрыз мое пенсионное?

Финли был откормленным котом. Подруги в нем души не

чаяли, он это знал и вытворял, что захочет. А жрал из вредности только мясо и документы, лишь изредка опускаясь до рыбы.

– Хорошо, я скажу... Нет, я лучше тебе покажу, – решила Василиса. – Пойдем.

Она на цыпочках прошла в комнату, где в подушках болел с простудой Павел. Сейчас он спал. Рядом, на маленьком столике громоздилась целая батарея пузырьков с лекарствами, аккуратно лежали пакетики с таблетками и даже красовалась бутылка водки – исключительно для компрессов.

– Как он? – шепотом спросила Люся.

Василиса только махнула на нее рукой.

– Паша... Пашенька... – тихонько позвала она сына. Тот не реагировал, только звучно сопел. Тогда маменька, не задумываясь, бодро ткнула болезного в бочок. – Пашенька, кто такая Клеопатра?

– Я же сказал! – вдруг взорвался Павел.

Люся от неожиданности ринулась вон из комнаты, но Василиса вовремя ухватила ее за руку. А Паша продолжал негодовать:

– Я тысячу раз говорил – у меня сотни дел! Некогда мне вашей Клеопатрой заниматься!

– Ва... – попыталась было вставить слово Люся, но Павел грозно ее прервал:

– Вот только не надо упрекать нашу несчастную милицию! Нет у меня людей! И времени на вашу Клеопатру нет! И я

не порочу свои погоны! И вообще... Это же кошунство! Это святотатство! Тут никто не станет разбираться, потому что глухарь! Еще никто... Почему в моем кабинете лежит бивень мамонта? А где остальное? Ничего нельзя оставить... Лидочка, кто это у нас в комнате костер разводит?! Смотри ты, как горит, дружно занялось... Есть! Есть, товарищ ге... Всегда готов!

Павел явно бредил. Сначала он гневался, затем метался в тревоге и только на последней фразе вдруг обмяк и выдохся. Потом раскрыл глаза, посмотрел на женщин мутным взглядом и жалобно пролепетал:

– Мам, это ты? Морсика бы мне...

– Брусничного? – мигом подхватила Василиса. – Сейчас, сыночка, сейчас принесу, у меня уже готов. А ты пока таблеточку...

Люся уже поила бедолагу лекарством, Василиса принеслась с морсом.

– Паша, ты больше пей! А потом можешь спать, ворочаться, бредить. Вот интересно, а ты сам помнишь, что говоришь? – на всякий случай спросила мать. – Не отвечай, пей лучше морсик...

На какое-то время подруги были заняты только здоровьем Павла. Зато чуть позже, когда Павел уснул, дамы уютно устроились на кухне. Люся тупым ножом терзала лимон для чая, а Василиса звучно хлебала чай и сокрушалась:

– Вот ведь, знаешь, Люсенька, Павел-то, пока бредил, та-

кую ценную информацию просочил... Про какую-то Клеопатру. Кошунство, говорит, и святотатство! И никто еще такого дела не распутывал. Я теперь и не знаю, что дальше делать.

– А я так думаю... – сосредоточенно нахмурилась Люся. – Думаю, спать надо ложиться. Мы и дела-то никакого не знаем. И потом, уж если милиция руки умывает, нам соваться нечего.

– Эта Люся просто диверсантка какая-то, честное слово! – возмущенно сообщила холодильнику Василиса. – У какой-то несчастной Клеопатры назревают крупные неприятности, и вроде как она просит у Пашки помощи, а эта женщина... А еще Петухова Людмила Ефимовна называется! Она даже не собирается протянуть бедняжке руку помощи! Один, стервец, температурой обзавелся, слег, другая тоже... Прямо ужас, до чего эту Клеопатру жалко. Ты, Люся, кстати, не знаешь, кто это такая?

Люся навела чай, но, обиженно вздохнув, отодвинула кружку – после сегодняшней экзекуции у стоматолога в рот два часа не рекомендовалось ничего допускать.

– Главное, сначала меня диверсанткой обозвала, а потом... Мне вообще покой нужен...

– Вот вспомни, кто такая Клеопатра, и покойся!

– Клеопатра? Ну... у меня только одна знакомая с таким именем была – царица какая-то, мы по истории проходили. Так у нее неприятность давненько произошла – скончалась

она задолго до нашего рождения. Красивая женщина была, говорят.

– Нет, это не она, точно. Пашка с царями себе такого тона никогда бы не позволил... – затрясла тощей косицей Василиса. – А кого-нибудь попроче не помнишь? Дворника или маляршу? Кого-нибудь рабоче-крестьянского происхождения?

Люся не помнила. И вообще она не совсем понимала, чего это подруга заиклилась на больной говорильне несчастного Павла.

– Вот я, Люся, тебе просто удивляюсь, – начала выходить из себя Василиса Олеговна. – Ты понимаешь, что сейчас под угрозой репутация всей нашей милиции? А ты вот сидишь сейчас и равнодушно глазами хлопаешь! И еще скривилась вся!

Она в негодовании весь лимон бухнула в свою чашку.

– У меня же зуб выдрали! – пискнула Люся.

– И правильно сделали! Потому что ты никому не хочешь помогать. А у какой-то Клеопатры несчастье! А милиции некогда. И Пашка болеет. Ну, и какой напрашивается вывод?

Люся уже давно догадывалась какой, но до последней минуты надеялась, что на этот раз пронесет.

– Правильно! – прогремела Василиса. – Мы должны это дело взять в свои руки. Мы просто обязаны узнать, что за несчастье стряслось с бедняжкой Клеопатрой, и спасти ее. А то вдруг она на Пашку пожалуется! А у него трое детей! И кто их будет кормить? Ой, не хватайся за карманы, на твою

пенсию мы даже тараканов прокормить не можем. Все деньги к Вальке-продавцу ушли!

– Вася, может, все не так страшно?

– Ой, ты лучше молчи, если помогать не хочешь! А он ведь про нее сейчас столько наговорил... И все посылает ее куда-то. А вот самого главного не сообщил – что с ней стряслось-то?! Однако ж сама рассуди: просто так в милицию бы бабенка не обратилась, значит, грозит ей что-то...

– Может, милиция...

– Молчи, говорю! Ох, без нас ей никак, видать, не выкрутиться... Ну чего ты такая неактивная?! Чего молчишь-то все время? Еще и рот куда-то скособочила! Говори прямо, эгоистка, – не хочешь Клеопатру спасти?!

– Хорошо бы еще узнать, кто это такая, – буркнула Люся и вдруг разозлилась: – Ты вот даже не спросила, как я! А мне, между прочим, сегодня полчелюсти выдрали! И без новокаина! И никто не додумался меня спасти! А про какую-то Клеопатру ты, видишь ли, встревожилась. И с чего ты взяла, что ей нужна помощь? Мало ли что там твой Пашка в бреду придумал?! Он у тебя и в ясном-то уме не всегда умности говорит...

– Это плохо, что без новокаина. Сейчас бы ты сидела вся замороженная, язык бы у тебя онемел, и не могла бы ты такую ересь нести. Ну да, Пашка больной. Но так ведь в здравом-то уме он нам ни за что не проговорится! А женщина, может быть, мучается. И потом, Пашку могут и вообще вы-

швырнуть с работы, если дело не будет раскрыто. Сколько раз говорить-то уже?

– В таком случае твой сынок мог бы хоть в бреду рассказать, кто это такая!

Василиса взглянула на подругу с улыбкой все понимающей Джоконды.

– Ах, Люсенька! Эти мелочи я беру на себя, ей-богу, это не самое сложное, достаточно только немножко напрячь фантазию...

Вероятно, подруга напрягала фантазию всю ночь, потому что уже в девять утра следующего дня Люся проснулась от ее интригующего крика:

– Сони! Подъем! Кто первый догадается, какой сюрприз я вам приготовила?

– Неужели с Малышом погуляла? – не поверила Люся.

Малышом звали уже взрослого щенка черного терьера, который к подругам попал по нелепой случайности и ежедневно требовал прогулок, сытного питания и правильной дрессировки. Женщины к этому относились без восторга и частенько пытались столкнуть обязанности друг на друга. Иногда, правда, случалось, что дамы делали друг другу приятности. Вот и сейчас Люсе пригрезилось, что Василиса вскочила ни свет ни заря только затем, чтобы выгулять пса.

– Не угадала. Попытка номер два... – старательно веселилась Василиса.

Она цаплей вышагивала по комнате, теребила сонную подругу и хворавшего сына.

Люся от попытки отказалась и стала молча собираться выводить Малыша. А как только вернулась с прогулки, так снова услышала бодрые крики затейницы Василисы:

– Люся, садись скорее, мы уже устали тебя ждать.

И правда, в подушках моргал красными глазами Павел и нездорово зевал.

– Объясняю, – махала длинными руками Василиса. – Сейчас мы поиграем. Правила простые – я говорю какое-нибудь слово, и Паша говорит первое слово, которое ему на ум придет. Начинаем! Яблоко...

– А чего это вдруг с меня начинаем? – снова зевнул Паша. – Если вам скучно, вы вдвоем и поиграйте, а я бы поспал лучше... У меня чего-то с глазами такое...

– Павел! Я сама читала, что веселые, спокойные игры помогают избавиться от температуры, насморка и даже камни из почек выводят. Так что будем лечиться. Ты – мужчина, да к тому же в любой момент уснуть можешь, поэтому веселые игры с тебя и начнем, – не потерпела возражений Василиса. – Давайте заново. Итак: море!

– Да уж, веселуха... – проворчал Павел.

Он уже хотел снова уснуть, но, взглянув на мать, послушно закатил глаза к потолку.

– Значит, море... э-э-э... Черное море. Каспийское, туда еще Волга впадает... Саргассово опять же...

– Паша! Прекрати паясничать! – разволновалась мать. –
Говори первое, что приходит в голову. И быстро. Давай еще
раз. Рыба...

– К пиву!

– Человек...

– С пивом!

– Беда...

– Без пива.

– Милиция...

– На работе не пью, – растерялся Павел.

Василиса расстроилась чуть не до слез. Она так славно все придумала – в игре Пашка должен был непременно проболтаться, какая такая Клеопатра заявлялась в милицию. А он... одно пиво на уме. Так и спиться недолго!

– Алкаш...

– Водка! – радостно выкрикнул сын.

– Это ты алкаш! Неужели кроме «пиво» и «водка» слов больше нет в русском языке? И это мой сын... – вопила Василиса.

Она вздернула руки к потолку и мимолетом оценила – хорошо ли смотрится свежий маникюр. Жест получился немного театральным, зато трагичным.

– Мам, ну у меня такая сухость во рту, и жар опять же... Я не знаю отчего, но так пива хочется, просто спасу нет. Опять же на больничном я, можно позволить бутылочку, – заканючил несознательный больной.

– Хорошо, – сжалилась над ним Люся. Она уже поняла, куда клонит подруга. – Мы тебе принесем бутылочку, но и ты мать уважь – поиграй, вспомни младенчество. Что ж делать, ты ведь знаешь, какой она азартный игрок.

Павел вздохнул, поудобнее устроился на подушках и приготовился отвечать.

– Несчастье... – снова начала Василиса.

– Радость.

– Клеопатра...

– Лошадь.

– Какая лошадь? – оторопела Василиса.

– А вон у вас книжка лежит на столе... Я прочитал, там про лошадь Клеопатру написано, – пояснил Павел.

Люся растерянно взяла книжку. Действительно, это была детская сказка про лошадку Клеопатру. Василиса недавно читала ее внучкам.

– Эта не подойдет, – отвергла Люся. – Давай другую вспоминай.

– Ну, тогда парикмахерская, – уверенно заявил Павел. – Она у вас на углу находится. Я каждый раз мимо прохожу, и вывеска в глаза бросается. Там прямо так и написано – «Клеопатра». Эта пойдет?

Подруги задумались.

– А больше ты никакой не знаешь? – на всякий случай уточнила Василиса.

– Не-а. Ну, еще правительницу знаю, древнюю. Но она,

наверное, тебе тоже не понравится.

Василиса вздохнула. Похоже, Павел и в самом деле больше никого не знал. Значит, несчастье должно произойти в парикмахерской...

– Мам, ты мне светлое пиво купи, ладно?.. – напомнил о себе сын.

Ночью Люсе снилось, будто она в супермаркете купила замороженную золотую рыбку. Та волшебным образом оттаяла и пообещала спасительнице исполнить одно желание. Люся немедленно пожелала превратиться в большую белую птицу. Рыбка принялась трясти плавниками, а Люся ужасно мучилась – на кой черт ей понадобилось становиться гусыней, лучше бы ремонт в квартире попросила сделать... «Ну, чего ты, лети теперь в теплые страны, не бойся... скорее...» – шипела замороженная рыбка, а Люся не могла – кто-то держал ее за красную лапу.

– Ну скорее же... – снова раздалось шипение.

Люся поняла, что сон уже кончился, но кто-то так и продолжает цепляться за лапу... тьфу ты, за руку.

– Кто здесь? – вытаращила круглые глаза Людмила Ефимовна.

– Я здесь, не кричи, – тянула ее куда-то за руку Василиса. – Пойдем. Паша спит, опять бредить начал, давай у него сонного спросим про Клеопатру.

– Вася! Ну ты же мать, дай парню спокойно вылечиться.

Чего его сонного пытаться?

– Нет уж, надо обязательно сонного. В сознательном состоянии он нам ни за что не откроется, тогда его и пытаться бесполезно.

– Вася, а вот я слышала, что больных нельзя пытаться...

– Ну чего ты упрямишься? Он все равно болтает черт-те что, так вместо того, чтобы попусту бредить, пусть лучше на вопросы отвечает – и нам польза, и ему не так скучно. А то чего ж он сам с собой-то... И никакого стыда. Ой, Люся, если бы ты знала, что он в бреду несет!

Люся побрела за подругой, сшибая на ходу журнальный столик и стулья.

– Тише ты, прямо никакой кошачьей поступи! – рассердилась та на нее. – Разбудишь.

Но Павел спал. И говорил:

– Лидочка! Ты мне... должна дать денег... на патроны... Мы с Юркой Пузыревым идем на охоту! Не на медведя, Лидия, на опасного преступника... А ты знаешь, сколько патронов стоят? Как бутылка водки и три бутылки пива! Лидия, страна в опасности, не жадничай!.. А на закусь дала? Лидочка, я тебя знаю... я тебя даже где-то... уважаю...

Василиса не стала выслушивать нежную супружескую болтовню, а бесцеремонно вклинилась в большое бормотание.

– Кто такая Клеопатра? – суровым шепотом произнесла она прямо в ухо сына.

– Опять Клеопатра? Я же говорил! – взорвался тот. – Это па-рик-ма-хер-ска-я! Еще вопросы есть?

– Никак нет! – по-боевому рывкнула Василиса.

Люся поспешила выскочить из спальни, чтобы свернуть к себе на диван. Однако Василиса ловко поймала ее за подол:

– Не время спать, подруга. Пойдем на кухню.

На кухне она шлепала босыми ногами, задумчиво грызла баранку и размышляла:

– Вот, видишь! Значит, все-таки парикмахерская... Сейчас же набросаем план действий.

– Вася. Предлагаю... глубоко подумать... до утра... – сонно пролепетала Люся и поднялась.

Пока подруга не опомнилась, Люся побрела досыпать, спотыкаясь о перевернутые стулья. Но едва она смежила веки, как над ухом снова раздался возбужденный шепот:

– Люся! Ты спи, спи, я тебе тихонько говорить буду. Нам опять надо заняться расследованием! А кто же, кроме нас-то? – шептала Василиса.

Она уже влезала на кровать и бесцеремонно толкала подругу к стенке, чтобы та подвинулась, – сегодня что-то сильно несло по полу, и стоять на нем босыми ногами было неприятно.

– Люся, значит, так, я завтра с утра...

– Василиса! Я уже уснула! У меня уже мозг настроился на заслуженный отдых! Ну дай же поспать! – взорвалась Люся.

Подруга огорчилась. Опять Люсенька разоралась, и, как

говорится, было только два способа заткнуть ей рот, но их никто не знал.

– Так я тебе сразу сказала – спи. Неужели трудно – спать и слушать? Я ж не полы тебя мыть заставляю! Ну и как с тобой идти на большое дело?

Стоит только что-нибудь запланировать с вечера, как прямо с самого утра все планы лопнут, точно мыльные пузыри. У Люси всегда так получалось. И в этот раз тоже. Нет, проспала она, как и полагается, – до одиннадцати, однако потом все пошло совсем не по плану. Не успела она привести Малыша с прогулки, как раздалась телефонная трель, и Василиса торжественно всучила ей трубку:

– Это тебя Канада.

Совсем недавно с Люсей произошло событие из ряда вон выходящее. Бывший муж (даже не муж, а так – бывший возлюбленный, а по совместительству отец Ольги) Виктор Борисович Таракашин вдруг обнаружил остатки совести. Он нашел Люсю с взрослой дочерью и твердо решил оформить сей старый союз по всем брачным законам. Бурные чувства объяснялись до обидного примитивно – в Канаде отец самого Таракашина пообещал оставить сыну солидное наследство, но при условии, что тот познакомит его хоть с одним законным внуком. Таракашин на Люсе не женился, но отца с Ольгой познакомил. Дедушке так полюбилась внучка, что он долго сокрушался из-за столь близкого родства (Ольга, чер-

товка, умела влюбить в себя мужчин), а потом срочно сделал внученьке вызов. В данный момент Ольга находилась в Канаде, принимала от деда нескончаемые подарки и звонила Люсе почти каждый день. Дома у нее остались собаки, по которым она страшно тосковала, и муж Володя, о котором она не всегда вспоминала, но при случае прилежно заботилась. Сейчас звонила именно она.

– Мамочка! Ну как ты там? Как тетя Вася? Как у вас погода? – щебетала в трубку Ольга. – А как Малыш? А Финли? Господи, как я соскучилась! Мама, а как Карл? Как Володя? Он не трясет ушами? Это я про Карла. А Атос? Он в последнее время плохо ел, а у него скоро вязка. Господи, я их уже столько времени не видела!

– Оленька, доченька... – отчего-то всхлипнула Люся. – У нас все замечательно. Оля, ты бы приезжала домой, а? Все же тебя и Володя ждет, и мы опять же. Ну чего ты там застряла в этой Канаде? И сама ведь скучаешь уже...

– Ой, мамочка, просто ужас до чего скучаю, но приехать никак не могу. Тут у меня роман с одним молодым человеком...

– Оля! Какой роман? Какой...

– Последний, – быстро перебила дочь. – Я подсчитала, получается, что последний. Mam, ну мне ведь уже в этом году тридцать исполнилось... У меня кризис тридцатилетия, это моя лебединая песня, все! Поэтому приехать сейчас просто не могу. Мама, если бы ты знала, это такой мужчи-и-на...

Фигура! Рост! Глаза! Кстати, я тебя очень прошу – измерь Володе температуру, а то у вас там, я слышала, грипп какой-то ходит. И скажи, чтобы собакам прививки сделал. Ты к нему забеги сегодня, ладно? А у меня...

Люся уже молча слушала ветреную дочь и не мешала той плескаться восторгом.

– Ну что? – спросила Василиса, когда Люся положила трубку. – Как она там? Какую любовь встретила на этот раз – пламенную или только племенную? Наверняка еще и привет просила Володе передать?

– Попросила к нему сходить, температуру измерить, а то, говорит, грипп тут у нас, – вздохнула Люся. – Вася, я и в самом деле сбегая, пожалуй. Ты меня дома подожди, а потом мы с тобой займемся парикмахерской, ладно? Сразу же. Я недолго.

– Люся, я понимаю, иди. Я, конечно, тебя подожду... – пожала плечами Василиса. – Подожду, подожду, можешь на меня положиться. Ты же меня знаешь!

Василиса проводила подругу, притащила из кухни стул, уселась перед трюмо и застыла. Сейчас требовалось решить, что полезного можно выудить из «Клеопатры». Идти в парикмахерскую, пусть даже по делу, и не извлечь никакой выгоды – это первый шаг к старости.

Люся спешила к дому зятя и в тысячный раз томилась вопросом – как же так получилось, что она дочь-то такую воспитала? Вот ведь у Васи Пашка какой верный семьянин... И

Лидочку свою все время любит, и с детьми у него все как-то быстро получается – не успели оглянуться, уже трое, прямо не нарадуешься. А Ольга... В этом месте своих размышлений Люся тихонько всхлипнула. А уж как Володю-то ей было жалко...

Володю, видимо, жалела не только Люся. Не успела она позвонить, как дверь распахнулась, и на пороге показалась молоденькая девица, раскрашенная, точно пасхальное яйцо. От девицы веяло духами, сигаретами и немножко алкоголем. Володя с блаженной улыбкой вышел проводить гостью, но, увидев Люсю, залился багрянцем и стал поспешно выталкивать девушку за порог.

– Володя... что это она у тебя делала-то? – растерялась Люся. – А я тут... Меня Оля температуру просила... Кто это?

Володя тоже растерялся не на шутку – дышал как-то испуганно, метался глазами и нервно царапал себе кадык. Не растерялась только девчушка. Она уставилась круглыми навывкате глазами на Люсю и возмущенно изрекла сочным басом:

– Нет, ну, наве-ерное, я не просто так приходила, да? Ну, наверное, я студентка! Прямо не знаю, чего ходят... Володь, я там чего-то не поняла, завтра, значит, опять на консультацию приду.

– Завтра воскресенье, он отдыхает, – робко напомнила Люся, но девушку такое замечание снова искренне возмути-

ло.

– Нет, ну понятно же, что я к знаниям стремлюся, да? А в воскресенье особенно. Володь, ты во сколько встаешь?

Володя просипел:

– В восемь.

– Значит, я тогда приду в пять минут девятого.

Люся потом измеряла температуру неверному зятю, что-то там разогревала на плите, кормила собак, даже пожарила картошки. Но на душе у нее было так тяжело, что домой она отправилась совершенно разбитая. Ей хотелось поскорее добраться до кровати, лечь и ни о чем не думать. А ведь дома еще ждала Василиса с какими-то своими блестящими идеями...

Василиса подругу и не думала ждать. Лишь только за Люсей закрылась дверь, как она тут же кинулась к зеркалу, а потом пристала с вопросами к Павлу.

– Паша, как ты думаешь, мне пойдет коротенькая стрижечка под мальчика? – спросила она сына. – Или лучше вот так вот волосики опустить, а здесь пустить пепельную прядку?

Тот на кровати лениво щелкал телевизионным пультом и в маменькины проблемы не особенно вникал.

– Я думаю...

– Я поняла, милый, значит, так и сделаю! А мне пойдет длинный маникюр? Паша, сколько в этом месяце стоит на-

ращивание ногтей?

– В этом месяце я не наращивал, – отбрехался сын.

– Паша, не груби маме. Лучше скажи, какие стрижки сейчас самые дорогие? – продолжала Василиса.

Она то пялилась в зеркало, то растягивала лицо на разные лады и взлохмачивала волосы.

– Я придумала! Нарашу себе пышный чуб. Это меня сказочно украсит. Или лучше хвост!

Павел приподнялся на локте, внимательно посмотрел на мать и даже на некоторое время забыл про телевизор.

– Мама, откуда у тебя такие деньги? Ты обобрала нищего у ЦУМа?

– Сынок, ты хам. Я дико огорчена. У меня не размазалась помада? Значит, я побежала, а ты налей себе горячего молока и поставь на спину горчичники. По квартире не ходи. Если придет Люся, пока меня не будет, скажи, что я мусор пошла выносить. Кстати, тебе нравится мой новый брючный костюм? Как я в нем смотрюсь?

Новый костюм Василиса кое-как перешила из старого Пашкиного комбинезона, поэтому брюки с ее талии постоянно сползали, зато ложились внизу красивыми свободными складками и скрывали не совсем новые сапоги.

– Ну и как? Павел! Немедленно отвлекись от болезни! Говори – как я выгляжу?

– Нормально, мам. Только... А что, резинку нельзя было в штаны вдеть? Чего они у тебя спадывают?

– Резинка была, но она лопнула. А я теперь так, на пуговочках. А на дорогу шить нельзя, я лучше их поддерживать буду, – терпеливо объясняла Василиса, замирая у зеркала в самых томных позах. – А вообще – хорошо, да?

– Угу-м, – мотнул головой сын, не желая огорчать матушку.

Василиса последний раз взглянула в зеркало, в десятый раз мазнула по губам яркой помадой и выскользнула за дверь.

В парикмахерскую «Клеопатра» она направилась с самым лучезарным настроением. Какая же женщина не мечтает хоть раз в год отдаться в нежные руки мастеров, чтобы потом вынырнуть из салона совершенной красавицей! Сейчас у Василисы появилась такая возможность. Правда, не совсем обрадуется Люся, когда узнает, сколько она отдала за красоту. Ну да это ведь не каприза ради, а полезного дела для! А за дело надо браться, и как можно скорее. Кого-то там спасти, внедряться в доверие, вызнать ситуацию изнутри – ну, и когда тут думать о деньгах?

Звучное название «Клеопатра» как-то не совсем подходило маленькой, серенькой парикмахерской в глухом закоулке дворов. Она даже не располагалась отдельно, а была обычной квартирой, переделанной в «салон».

Мастеров в парикмахерской было двое – молоденькая пышная блондинка с огромной башней из кудряшек на голове и девушка с простенькой косой. За отдельным столиком

была еще одна девица – с короткой мальчишеской стрижкой и с выражением глубокого «фи» по отношению ко всем окружающим на лице. Мастера откровенно зевали и пялились в маленький телевизор, а маникюрша в своем уголке увлеченно расписывала собственные ногти.

– Здравствуйте, девочки! – радостно объявила Василиса. – Где у вас тут можно волосы нарастить?

Девушки переглянулись и с сомнением уставились на вошедшую.

– А вам где-е? – лениво разлепила губы полная блондинка.

– Простите, что... Что значит где?! – поперхнулась Василиса. – Как и положено – на черепе. В смысле, на голове!

– Не, ну я думала, может, брови нарастить или там ресницы какие-нибудь, так их подкрасить можно. У нас токо красят. А вот наращивать... – жеманно объяснила парикмахерша и вдруг рявкнула: – Юльк! У нас волосы наращивают? Не, мы не наращиваем. Это вам в «Аленку» надо.

Скорее всего, клиентка не виделась ей денежной, а за тридцать рублей порхать бабочкой блондинка не желала.

– Мне не надо в «Аленку». Мне сюда, – упрямылась Василиса. – Хорошо, а покрасить вы меня можете? Голову то есть. Вернее – волосы. Или у вас только брови красят?

– Не, мы сѣдни не красим. Юльк! Мы ж не красим сѣдни, да? – снова спросила она у маникюрши.

Маникюрша оторвалась от своих ногтей и тоскливо уста-

вилась на реденький Василисин пучок.

– Не, ну и чо объяснять! Укороченный же день, сказали ведь! Танька, ну ты могла объявление нацарапать?! – выпятила она губку.

– А что у вас случилось-то? – возмутилась Василиса. – Никаких праздников не намечается, воду не отключали... С чего бы вам дни укорачивать? Эпидемия, что ли, какая?

– И никакая не эпидемия, прям чо токо не выдумают! Мы б тогда и вовсе не работали. Да, Юльк? – объясняла блондинистая жеманница. – У нас завтра у хозяйки юбилей, может быть! И мы, может быть, сёдни переживаем!

– Да! – подала голос вторая мастерица – маленькая невзрачная девушка. – Анне Петровне завтра сорок исполняется, она ресторан заказала. Ой, не знаешь, что и делать! Вот, девчонки, как представлю – придут тетки, напьются и начнут песни горланить... Прям хоть рот им затыкай...

– А ты, Дашк, не ходи! – фыркнула маникюрша Юлька. – Сиди дома, йогуртом наслаждайся!

– И не пошла бы, и сидела... Так с нас уже по триста рублей содрали! А теперь думай вот, куда ребятню деть! – разозлилась невзрачная мышка. – Ты бы вот лучше думала, как Анну Петровну поздравить по-человечески, чтобы весело было...

– Да чего там поздравлять... Ну я прям не могу! – развеселилась маникюрша. – Нарядимся все матрешками, да и все. Или лучше не так! Не матрешками, а этими... стрипти-

зершами. Во прикол! Ха!

Она переключила канал, и по залу разнеслось однотонное дребезжание. По-видимому, Юлька принимала эту музыку за зажигательную плясовую, потому что принялась скакать, высоко выбрасывая длинные ноги. Такая мелочь, как посетительница в виде Василисы, ее явно не смущала.

– Представь, Танюха... ха-ха!.. какая из тебя классная стриптизерша получится! Два центнера живого веса и совсем без ничего! – ухахатывалась она.

– Знаешь что, Юлечка... Я вот почему-то тебя никогда не представляю... – начала злиться белобрысая пухлая парикмахерша, но Василиса ее оборвала.

– Девочки! Зачем вам в кого-то наряжаться?! – воскликнула она. – Считайте, что вам бесконечно повезло! Я – именно то, что вам нужно! Я же профессиональный тамада! Провожу свадьбы, юбилеи, похоро... хм... Короче, все провожу!

Девчонки устали на Василису уже более заинтересованно. Даже Юлька скакать перестала. А та не давала опомниться:

– Так, говорите мне... Дайте листочек с ручкой, я сразу же записывать буду... Ага, теперь говорите мне – сколько человек приглашенных? Сколько юбилярше исполняется? Кстати, беру совсем недорого, можно прической и маникюром... Как зовут-то вашу именинницу? Какой сценарий хотели бы заказать?

Девушки похлопали ртами, потом Юлька нерешительно

проговорила:

– Вы... это... а чо мы вам скажем-то? Давайте мы лучше вас с ней сведем, с Анной Петровной. Она сама вам скажет – какой сценарий и сколько ей исполняется...

– Точно! А то она нам все время твердит, что ей тридцать три, а я в паспорте видела, что тридцать девять, – поддержала «мышка».

– Ага! И потом она говорила – помните, девочки? – что хотела тамаду заказать, но они дерут бешено, – поддакнула белая парикмахерша.

– А мы... Девчонки! Я придумала! Прикольно! А мы ей скажем, что это от нас подарок, что мы заплатили уйму баксов, точно! Может, она нам триста рублей обратно вернет! Ха, во крутанемся, да? – обрадовалась маникюрша и принялась торжественно диктовать: – Вы так и запишите – от меня, то есть от Юлии Бусиной, потом от Татьяны Рябовой и от Дарьи Часиковой. Записали?

Василиса только качала головой. Она тщательно конспектировала все, что говорили девчонки, – вдруг пригодится.

– Ну вот, а сёдни к шести подходите, ага? Анна Петровна в шесть придет, – кокетливо улыбнулась здоровенная Таня Рябова, подталкивая Василису к выходу.

– Не, лучше к полседьмого, – поправила маникюрша, которая назвалась Юлией Бусиной. – Мы в шесть как раз деньги сдадим, а там вы и поговорите. Только не забудьте сказать, что это от нас. Не забудете?

– Да что ж я, совсем склерозница? – обиделась Василиса. – Я, может, и выгляжу так, но с памятью еще проблем не было.

– Вот и славно, трам-пам-пам! До свидания, – улыбнулась Юля и снова принялась подкрашивать блестящие ногти.

– Посто-о-ойте, какое «до свидания»! – заартачилась Василиса. – А оплата? Мы же договорились прической! И маникюром еще! Так что, милые, садите меня в свое кресло и начинайте уже из моих данных красавицу делать. А я скажу, что вы и в самом деле большие деньги заплатили.

Девушкам два раза повторять не потребовалось. Услышав такое похвальное понимание, они завертелись возле клиентки выюном. Толстая мастерица Таня старательно оттопыривала мизинчик и щебетала канарейкой:

– Сейчас новую методику применим! А вы ваще как к фруктовым мотивам относитесь? Можно головку тыковкой соорудить, а можно...

– Таньк, ну хорош издеваться! Куда ей эту тыковку? – фыркнула со своего места Юлька.

– Не, ну можно еще цветочные варианты... Например, «кокосовую прелесть», мне Леночка из «Афродиты» показывала, как ее делать...

После длительной возни толстушки Тани с какими-то баночками, мисочками и помазочками к Василисе подскочила маникюрша и, глубоко наплевав на собственные ногти, принялась тискать Васины натруженные пальцы. После этого, уже не зная, чем еще ублажить клиентку, работницы щедро

тряхнули личными косметичками и стали облагораживать лицо Василисы макияжем. Если по совести, так такой услуги в прейскуранте и вовсе не значилось, но чего не сделаешь ради своей же хозяйки!

Василиса же, вопреки себе, мало внимания уделяла зеркалу, а все больше прислушивалась и приглядывалась. Ее больше волновал вопрос – что за опасность может угрожать этой богом забытой цирюльне. Признаться, Василиса Олеговна думала, что едва она усядется в кресло, как на нее польется целый поток сведений об опасностях, о злобных убийцах и преступниках, которые терроризируют работниц. А может, девушки даже нашли в подсобке труп и теперь не знают, куда его пристроить... Или еще: вдруг какой-нибудь мерзавец ворвался в парикмахерскую во время смены и изнасиловал всех присутствующих – тоже мерзкое преступление...

Василиса ждала, что девушки начнут делиться впечатлениями, однако те за работой болтали мало и тайнами не разбрасывались. И настроение у них было крайне безоблачное. На первый взгляд и не догадаешься, что над коллективом нависла беда, но ведь Пашка говорил! И кто-то же из них приходил в милицию! И именно по поводу парикмахерской! Василиса сообразила, что, если бы у какой-то из дам были личные неприятности, вряд ли Паша заикнулся бы на звучном названии «Клеопатра», он бы фамилией бредил или именем. А поскольку выяснилось, что никого по имени Клеопатра у него нет...

Когда, часов через несколько, мастер Таня последний раз взмахнула расческой, из зеркала на Василису глянуло неприветливое лицо неважно сохранившейся мумии. Щеки и подбородок были ярко-белого тона и напоминали свежесвыбеленную мазанку, глаза жирно подведены черным карандашом, и стрелки убегали напрямик за уши, брови, на совесть покрашенные черной краской, делали взгляд зверским, воспаленные веки кричали о нездоровье, а малиновые губы и вовсе наводили на мысль о вурдалаках. Над всем этим великолепием игриво торчал детский чубчик бурого цвета.

– Красота необыкновенная, – прошептала яркая блондинка Таня, то и дело взлохмачивая обкромсанные по последней моде волосы. – Юльк! Глянь! Скажи, красавица, да-а?

Юлька, которая трудилась над руками Василисы, долго приглядывалась, потом коротко выдохнула:

– Сойдет.

Вторая мастерица тоже крутилась здесь же и от зависти кусала губы.

– Все, – ласково улыбнулась блондинка. – А сейчас можете идти. К половине седьмого подходите. Да, и листочек не забудьте, кто вас нанял. Так вот прям Анне Петровне и суньте его. А мое имя жирной такой чертой обведите, будто я денег больше всех дала. И Юльку можете, она ж ногти полировала... Юльк! Тебя ж тоже жирной, да?

Юлька уже вовсю тыкала кнопки на магнитофоне, зато пискнула вторая парикмахер – Даша Часикова:

– И меня жирной!

– А Дашку можете и вовсе вычеркнуть, она токо толкалась тут зря.

Вторая парикмахерша не ожидала от коллеги такого оскорбительного отношения, поэтому немедленно задохнулась в негодовании:

– Я-а-а-а?! Да я стояла и смотрела, как ты несчастной женщине за ушами плешь выстригаешь, думала – заметишь ты или нет? Между прочим, я даже культурно промолчала, когда ты и вторую лысину выстригла! А ты даже внимания не обратила! Такое уродство вытворила!

– Уродство?! – теперь сощурилась во гневе Татьяна. – Это «кокосовая прелесть» уродство?! А мелирование «хвост енота»? Да у тебя он никогда не получался!

– А ты зато ресницы пережгла! У меня это всегда лучше получается! Теперь у нее веки облазить начнут!

Василиса, к счастью, уже не прислушивалась к перепалке. Она вплотную занялась расследованием, правда, еще не совсем знала – чего, но... главной ее мыслью было – а вдруг Пашку уволят, если он не раскроет это дело? Поэтому у нее осталось только одно желание – поскорее встретиться с хозяйкой парикмахерской и любыми путями напроситься завтра к той на юбилей. Хотя чего там напрашиваться – девчонки ее уже пригласили. А уж на юбилее-то по старой испытанной методике она напоит кого надо и не надо, и тогда гости заплетающимися языками примутся выкладывать ей любые

тайны...

Василиса выскользнула на улицу, поддержнула сползавшие брюки и посмотрела на часы – как раз хватит времени, чтобы заскочить в магазин, потом еще в аптеку, а после забежать домой за Люсей. Они вдвоем и появятся перед хозяйкой «Клеопатры». А завтра... У Василисы уже трепетали ноздри и горели глаза. Она даже придумала выражения, в каких сообщит о раскрытом преступлении сыну. Она вот так встанет... нет, лучше сядет... да, сядет... А потом... Господи, она чуть не пролетела мимо магазина!

В старом магазине, который лихо перекроили в новый супермаркет, народу было много. Но еще больше было работников – девочки в зеленых платьицах настойчиво толкали в руки посетителей замороженные брикеты с мясом, важным страусом среди витрин прохаживался парень в черной форменной одежде, а техничка-трудоголик неустанно елозила тряпкой по полу. Василиса уже давно набрала корзинку с продуктами и теперь томилась в очереди к кассе. Итак, надо сказать Люсе, чтобы она не забыла завтра переписать всех гостей, а еще лучше – их паспортные данные. А уж Василиса сумеет их разговорить...

– Женщина, вы не могли бы пройти вместе с нами? – раздался рядом с Василисой, когда она уже подходила к дверям магазина, прохладный мужской голос. – Женщина, я вам говорю! Прошу вас пройти со мной.

Василиса вынырнула из своих мыслей и только сейчас почувствовала, что ее кто-то настойчиво тянет за рукав.

– Молодой человек, вы... что вы себе позволяете... – одернула было сурово шалуна Василиса Олеговна, но ярко-малиновые губы ее невольно собрались в стыдливый пучок – так откровенно ее никто никуда не просил.

– Я действительно прошу... Пройдемте вон в ту комнату, – вежливо, но цепко держал за локоть Василису парень.

– Нет... ну если вы настаиваете... – все больше смущалась Василиса. – А это ничего, что вы в рабочее время, так сказать... знакомство с дамой... я слышала, такое не поощряется...

Когда они добрались до обещанной комнаты, настроение несчастной дамы резко обвалилось – оказывается, мерзкий юноша не придумал ничего лучшего, как подозревать ее в краже!

– Мы заметили, что вы постоянно что-то складывали себе... простите... в штаны! – сурово заявил он, едва за ними захлопнулась дверь. – Вы обязаны показать, что вы там спрятали!

Возмущению сыщицы не было предела. Сами собой у нее выпучились глаза, губы затряслись, а из горла вырвался гневный хрип:

– Никогда!

– Мы обязаны будем вас обыскать, – предупредил парень.

– Только в присутствии прокурора!

– Ну уж, прямо-таки прокурора! Сейчас вот милицию вызовем, они с бумагами приедут и обыщут! Надо же, воруют, да еще и прокурора требуют! – уже разозлился бдительный работник.

– Я за все рассчиталась! Вот чек! И не творите здесь произвола! – негодовала Василиса.

– А я видел! Вы все время штаны поправляли через пальто!

– Правильно! Потому что они у меня съезжают! А резинка лопнула! А пуговку я не пришила! – уже не контролировала себя Василиса Олеговна. – Позовите сюда кого-нибудь из женщин, я сама им все покажу! Я не могу до ночи ждать вашу милицию! У меня важная встреча!

Парень, однако, пытался соблюдать все правила и не желал отступать от законов. Только после долгих уговоров Василисе удалось убедить его вызвать кого-нибудь из женского персонала. Пересмотрев всю одежду покупательницы, сотрудницы магазина потом еще полчаса извинялись и в качестве утешительного приза сунули в пакет Василисы упаковку с тонкими ажурными чулками.

В любое другое время Василиса ради такого подарка позволила бы еще раз себя осмотреть, но теперь была просто разбита – она безнадежно опаздывала забежать домой. Теперь на встречу с Анной Петровной она вынуждена была отправляться одна, без Люси, да еще вдобавок с тяжелыми пакетами.

Пакеты тяжело били по ногам, дыхания отчего-то совсем не хватало, брюки упрямо не желали держаться на поясе, а шапка все время сползала на глаза. Только перед входом в «Клеопатру» Василиса немного отдышалась, поправила шапочку и навесила на лицо лукавую улыбку.

– Можно? – толкнула Василиса Олеговна дверь и... захлебнулась собственным хрипом.

Прямо у порога, выворотив ногу и страшно вытаращив глаза, лежала женщина – ухоженная, с ярко-розовым бантом на шее. В руке она сжимала веселую игрушечную змейку. Однако, несмотря на бант и плюшевую игрушку, яснее ясно-го было, что ответить она уже никогда не сможет.

Василису вынесло из подъезда словно взрывной волной. Она неслась домой, не чувствуя ни тяжелых пакетов, ни сползающих брюк – в мозгу пульсировала только одна мысль: «Не успели!»

Она даже не заметила, как очутилась возле своего дома. Опомнилась лишь только тогда, когда под ноги ей метнулось что-то черное.

– Малыш! Шельмец! Теперь ты еще меня давай доконай! – еле сдерживая истерические всхлипы, вскрикнула она. – Ну где же Люся-то? Ты один, что ли?

Конечно, он был не один. Под фонарем, возле дворовых мусорных баков маячила фигурка Люси. Подруга изрядно продрогла, швыркала посиневшим носом и куталась в ворот-

ник.

– Люся, ну что ты все возле отходов-то?! Тут такое... такое...

– «Возле отходов»... – обиженно передразнила та. – Сама же сказала Пашке, что мусор пошла выносить. Как можно выносить мусор с утра до вечера? Я уже по всем соседним дворам прошлась – думала, может, тебя наши баки чем-то не устроили... Думала, может, у тебя с сердцем плохо, сидишь где-нибудь с ведром в обнимку... Ой, батюшки! Вася, у тебя все ресницы вылезли! Господи, да что с тобой?! А брови... И рот весь... Ты что, свеклу ела?

– Я, к твоему сведению, целый день ничего не ела. Некогда мне было есть! Я работала, между прочим! А рот... Это просто макияж. Он мне для работы и был нужен. Я работала... а там такое...

Люся немедленно побледнела.

– Вася, признайся, где ты работала с таким макияжем? Вася, мы еще не настолько бедны, чтобы там работать. Василиса, у тебя внучки, у тебя седины, наконец!

– Люся! Да не кричи же ты! Мы уже и так куда-то влипли... Давай-ка вот на лавочку присядем... В общем, Люся, ты только не пугайся, но у нас труп, – выдохнула Василиса и брякнулась на скамейку.

Люся какое-то время только быстро-быстро хлопала глазами, а потом тихонько заскулила:

– Ва-а-ася, где ты его отыскала, а? Ты же хотела меня дома

ждать... Ну чего тебя так и тянет к этим самым трупам?

Малыш, вторя хозяйке, так же жалобно заскулил и уставился на Василису.

– Я сейчас все объясню... – пыталась успокоиться Василиса. – Люся, дай псу валерьянки, чего он воет? Ах да, мы же на улице! Короче, слушай... Я пошла в парикмахерскую «Клеопатра» одна – хотела, так сказать, осмотреть поле деятельности. Сначала все замечательно шло: я познакомилась с мастерами, и они меня пригласили завтра поработать на празднике их хозяйки тамадой.

– А у нее что, свадьба?

– Да нет же, юбилей! Не перебивай! Ну пригласили, значит, а сами говорят: вы, мол, приходите к половине седьмого и сами с хозяйкой обо всем договоритесь. Ну я и пришла договариваться! А хозяйка прямо на пороге и лежит – вся мертвая, на шее бант ярко-розовый, а в руках игрушка такая смешная – змейка хохочет... Господи, Люся, дай мне валерьянки! Ах, ну да ж... Похоже, ее бантом удавили. Короче, убийство налицо... вернее, на шею... Ну, я ноги в руки и домой. Теперь вот... сижу с тобой.

– А она? Хозяйка-то? Там еще? Ты даже милицию не вызвала? – ужаснулась Люся.

– Ну откуда я вызову-то?! Пойдем домой, позвоним...

Люся смотрела на подругу с недоверием. Та уже давненько нарисовала себе преступление в парикмахерской, так что ей могло причудиться все, что угодно. Женщина в бантах,

змейки...

– Вася, а откуда ты узнала, что это хозяйка? Вы уже успели познакомиться?

– Когда? – в тихом гневe перекосилась Василиса. – Когда бы мы познакомились? Я пришла, а она уже мертвая. И по этой причине близкого знакомства не состоялось. Что уж я, совсем – с мертвецами знакомиться?!

– Знаешь что, пойдeм вернемся, – предложила Люся. – Вдруг та хозяйка еще жива, помощь требуется...

– Люся, вот ты всегда – как что-нибудь ляпнешь! – разозлилась Василиса. – Ты что, мне не веришь? Ты только подумай – я должна была с ней встретиться. А она скончалась. На кого подумают-то? Ладно еще девчонки-работницы ни моего адреса, ни имени не знают, пока меня милиция отыщет, мы сами все успеем раскопать. А ты предлагаешь прямо сейчас мне и нарисоваться!

– А как мы будем раскапывать, если ты все время прятаться собираешься? – не выдержала Люся. – Пойдем! Скажешь, что за мной ходила, только что на встречу идешь, если кто увидит! А если там нет никого, милицию вызовем.

– Ладно, идем. Только заходить ты будешь, моя психика такого больше не вынесет, – вздохнула Василиса.

Женщины взяли на поводок Малыша и потрусили к парикмахерской.

«Клеопатра» встретила их закрытыми дверями.

– Ну чего стоишь? Стучись! – толкала подругу Люся.

Василиса робко стукнула и отпрыгнула за спину подруги. Неизвестно, чего она ждала, но увидеть еще раз труп хозяйки не желала.

– Так ведь нет же никого! – удивленно вытаращилась ее подруга. – Все нормально, девчонки ушли, двери закрыли...

– Ага! А Анна Петровна? Она меня ждать обещала, – упрямылась Василиса. – Стучи сильнее.

Люся теперь сама бойко подолбила по двери, но никто не открыл.

– Вася, с тобой с ума сойти можно, – недовольно проворчала она и повернула обратно.

Василиса вяло потянулась за ней. Выйдя из подъезда, она оглянулась на окно парикмахерской. «Клеопатра» глядела на нее хмурыми темными окнами.

– Нет, ведь это же надо такое выдумать! – ворчала Люся. – Труп, да еще с бантом!

– И со змейкой, – подсказала Василиса.

– Да, я про змейку забыла. Все, чтоб я про эту «Клеопатру» больше не слышала! Ладно, ты уже свихнулась, так ведь и я ж могу...

– Нет уж, Люсенька, – вкрадчиво сопротивлялась Василиса. – Завтра мы вместе с тобой пойдем в парикмахерскую, и пока я собственными глазами не увижу эту Анну Петровну живой и здоровой, не успокоюсь. А ты меня не смей сумасшедшей обзывать, поняла?

Когда подруги вернулись домой, Павел крутился на кухне

и во все горло фальшивил:

– «Ты меня ждешь! И у детской кровати не спишь! Знаю, встретишь с любовью меня...» Ой! Мама! Что это с тобой? Куда ты волосы подевала?

Василиса только что сняла шапочку и тряхнула новой стрижкой.

– Вот, – немножко небрежно проговорила она. – В парикмахерскую сбегала, решила что-то новенькое придумать. Как тебе моя новая прическа?

– Вася, поверь мне – тебя в парикмахерской обманули, – горестно вздохнула Люся. – Никакой прически нет. Тут даже и волос-то не осталось!

– Да, мам, Котовский отдыхает, – фыркнул сын.

– Ладно, чего ты, Паша... Видишь, ей и без тебя тошно.

Василиса наконец добралась до зеркала и узрела себя во всей красе. Если в салоне волосы еще хоть как-то топорщились после всевозможных пенек и лаков, то после сегодняшних потрясений, после кросса в нахлобученной шапке от былого шарма не осталось и следа.

– Лю... ся... Это что ж они сотворили? – пришла в ужас Василиса. – А говорили «кокосовая прелесть»... Нет, ну что за день сегодня, а?

– Вася, ты не переживай. Обрастешь. Чего уж так из-за волос убиваться, их у тебя всегда было не густо. Вась, ну успокойся, я где-то слышала, что после стригущего лишая, когда на голове уже ничего не остается, волосы потом начинают

расти кудрявыми и шелковистыми. Может, и у тебя кудрявиться начнут, – как могла, утешала подругу Люся.

Пашка только хмыкал. И без того расстроенная Василиса удалилась спать раньше обычного, а Люся подошла к Павлу и принялась защищать подругу:

– Зря ты так. Василиса красивая женщина, у нее еще столько энергии, что ой-ой-ой... Что же ей, век со мной куковать? Решила она в парикмахерскую сходить, что такого? Может, маникюры начнет делать, следить за собой усиленно станет, весна ведь, на дворе второе марта. Глядишь, и встретит свою половинку...

– Какая там, к черту, половинка! – развернулся к ней лицом Павел. – Что вы из меня дурака-то делаете? Опять, наверное, куда-нибудь со своими расследованиями полезли?

– Да что ж ты такое говоришь? – возмутилась Люся. – Чего ж это, Василиса, выходит, полезла, а я дома осталась? И что там можно расследовать, ну ты сам-то посуди! Это же парикмахерская, это ж тебе не банк какой-нибудь...

– Господи... – простонал больной. – Я вас просто умоляю: вот только банк не трогайте, а? Я погорячился! В парикмахерскую, в косметические салоны, в сауны ходите сколько угодно, но дайте мне слово, что банки вы будете обходить стороной! А также сберкассы и пункты обмена валюты.

– Ложись спать, выздоравливай, – похлопала его по плечу Люся. – С валютой мы не работаем.

Когда утомленный нездоровьем Пашка улегся и раскати-

сто захрапел, Люся тихонько подошла к телефону, прислушалась и торопливо набрала номер.

– Алло, Витя, это ты?

Она звонила Вите Потапову. Потапов работал вместе с Павлом, но, не в пример последнему, к любым волнениям подруг относился с пониманием. Может быть, и не всегда с полным, но, во всяком случае, он гораздо реже им напоминал, чтобы те не совались не в свои дела, в частности в милицейские расследования. Что Люся хотела поведать Потапову, ни сам Пашка, ни Василиса Олеговна в этот вечер так и не узнали.

Глава 2

Юбилей в белых тапочках

Утром подруги отправились в «Клеопатру».

Перед подъездом, в котором находилась парикмахерская, Люся поняла – вчера Василиса не просто так всполошилась. Возле входа стояли машины милиции, туда-сюда сновали люди в форме, и лица их были весьма безрадостны.

– Ты, Вася, постой тут, за деревцем... Да подальше отойди, чтобы на глаза кому не дай бог не попасть... Теперь я попробую... – распорядилась Люся и направилась в подъезд.

Конечно, о том, чтобы войти в парикмахерскую, не было и речи – там грозно командовал какой-то сердитый господин, называвший всех только по званиям и через каждые три слова вставлявший в свою речь непозволительные выражения. Однако на площадке Люся увидела двух девчонок, которые нервно курили и с ужасом поглядывали на происходящее.

– Девочки, а что это у вас? – вежливо поинтересовалась Люся. – Я вот... прическу пришла сотворить, а тут... Сюда что, местный РОВД переехал?

– Да и типун вам на язык, женщина! Никто сюда не переезжал! Тут у нас зачем-то хозяйку убили! – раздраженно отозвалась крупная светлая девушка. Девушка, видимо, так была расстроена, что временно растеряла светские манеры

и теперь выглядела обычной деревенской девицей. – Пряма не знаю, нам-то теперь куда? А у меня как раз деньги кончились... Юльк, слышь, ты до восьмого не дашь? Мне на восьмое подарят, мамка вышлет.

– Много? – нехотя отозвалась худенькая девица.

– Ну, я не знаю...

– Если много, то не получится. Я еще сама к родичам не ходила, надо попросить. Но раньше восьмого тоже не получится... – мрачно ответила девица.

– Я могу дать вам займы, – поспешила вклиниться Люся. – Причем до восьмого. Куда вам принести?

Девушки с сомнением взглянули на незнакомку.

– Нет, ну и чего вы думаете? Меня боитесь, что ли? – попыталась рассеять их сомнения Люся. – У меня совершенно свободно лежат деньги, которые мне сейчас не потребуются, а вам они нужны. Да еще и восьмое марта на носу, траты ведь предстоят, правда? Да что ж я, не понимаю! Тем более такая неприятность – хозяйку у вас...

– Юлия Игнатьевна Бусина! Пройдите, пожалуйста! – прокричал вдруг из дверей парикмахерской парень с погонами.

Худенькая парикмахерша испуганно встрепенулась. Сигарета вывалилась из ее рук, и девчонка быстро перекрестилась:

– Ну все! Дашку допросили, теперь меня! Не, ну ничо не делала, а страшно...

Она убежала, а следом за ней заторопилась скрыться и Люся, опасаясь попасть на глаза не тому, кому надо. Однако полная блондинка явно все еще пребывала в задумчивости насчет денег, и Люся еще раз спросила:

– Ну так что, приносить вам деньги? Я сразу говорю – отдавать мне не к спеху. Купите себе... тортик какой-нибудь, цветочки... Адрес говорите!

Светловолосая девушка немного пожевала губами, потом скороговоркой выпалила:

– Николаева, двадцать один, квартира сорок. Это рядом с овощным...

– Ладно, найду, – махнула рукой Люся и, накинув на лицо глуповатое выражение, проскользнула мимо государственных людей.

Василиса таилась за углом киоска, и от свежего воздуха у нее уже начали синеть нос и щеки.

– Ну, чего там? – нетерпеливо дернула она за рукав подругу. – Узнала, кто Анну Петровну убил?

– Ничего еще не узнала. И потом, откуда ты узнала, что та женщина была Анна Петровна? Может, клиентка? – спросила Люся.

– Ага, клиентка! Тебе же говорят – Анна Петровна должна была меня ждать. Если бы там клиентка лежала, то пришла бы сама хозяйка, увидела труп и вызвала «Скорую» с милицией. А если не вызвала, значит, это она сама и есть. А

что, еще и клиентку... того...

– Нет, похоже, именно хозяйку. Я, кстати, договорилась – сегодня мы идем к такой крупной девице, она там работает...

– Это Татьяна Рябова, – подсказала Василиса.

– Наверное. Так вот к ней мы и идем сегодня. Девчонке денег надо дать, а заодно и выспросить, что там случилось, кому могла помешать скромная, тихая хозяйка парикмахерской...

– И вообще – была ли она скромной и тихой, – докончила Василиса, но, увидев взгляд подруги, быстро поправилась: – Я к тому, что надо расспросить про эту Анну Петровну. Чего ты набычилась?

– Вот прямо сейчас давай отойдем подальше, на скамеечку сядем...

– Нет уж! Я и так окоченела совсем! – взбунтовалась Василиса. – Никакой скамеечки! На улице весна, а такой холод... С этой погодой синоптики что хотят, то и делают! Пошли-ка домой лучше.

– Так дома нас твой Пашка вмиг вычислит!

– А мы в ванной закроемся, вроде как я мыться надумала, а ты мне спину трешь...

– Да уж, так он и поверит... – пробурчала Люся, но все же поспешила за подругой домой.

Едва они вошли в дом, как сразу поняли – прятаться от Пашки не придется. Он топтался в прихожей и нервно спросил:

– Ну где вы потерялись?

– Ой, ты на него посмотри, Людмила Ефимовна! Больной наш при полном параде – уже одетый и даже шарф навесил! – фыркнула Василиса, но потом опомнилась: – Куда вскочил?! С температурой вырядился он! Ну-ка, немедленно в постель!

– Меня срочно на работу вызывают, а я квартиру оставить не могу. Еще кричит она... – отбивался Пашка. – Хоть бы ключ оставили!

– Вася уже оставила... где-то... Теперь у нас один на двоих, – проворчала Люся. – А чего ты вскочил, в самом деле? Больной ведь!

– У преступников нет больничных. И никакого ко мне сострадания тоже не имеется, вот что обидно! – вздохнул Пашка и выбежал в подъезд.

Подруги не были негостеприимны, но после его ухода вздохнули с облегчением.

– Так, говори теперь, когда и как ты обнаружила потерпевшую, – торжественно приступила к расследованию Людмила Ефимовна.

– Я же рассказывала! Ты чем слушаешь? Нет, Люся, я думаю, мне пора напарницу менять, – вздохнула Василиса. – Во-первых, ты мне перестала доверять, а во-вторых... Слушай, а отчего это дверь парикмахерской оказалась закрытой, когда мы с тобой вечером там были? Может, кто-нибудь после меня приходил, а? Точно, приходил! Убийца, вот кто!

– Убийца раньше был, а дверь... ее и сквозняком захлоп-

нуть могло.

– Ага. А еще я ее сама могла захлопнуть. Я так тогда по двери шаракнула... А может, и не я... Ой, Люся, я что-то тот момент никак в памяти не восстановлю...

– Ты мне лучше вот что скажи – как ты увидела убитую? Ты что, свет зажигала? А может, он там уже горел? Я ведь точно видела: когда мы обратно шли, света в «Клеопатре» не было.

– Его и не было. Только я же приходила во сколько – в половине седьмого, – объяснила Василиса. – А в это время сейчас уже и не темно совсем, очень хорошо все видно. Точно, не было там никакого света. Слушай-ка, Люся, а если бы я не опоздала, меня что, тоже с бантом на шее уложили бы, а?

– То есть... ты хочешь сказать, что ты опоздала? – уточнила подруга.

– А я не говорила? Ну конечно, немножко задержалась, меня в нашем магазине... Короче, меня в магазине увидело местное телевидение и решило заснять, потому как посчитали, что у меня яркая, привлекательная внешность!

– Понятно. Тебя обыскивали? Думали, что ты сперла ценный продукт, вот и задержали, так?

Василиса не стала отвечать на грубость, а просто безмятежно замурлыкала себе под нос: «...Прекрасное дале-е-еко, не будь ко мне жесто-о-око...»

– Вася! Давай думать о серьезном! – наступила на горло ее песне Люся. – Почему это женщину постарались убить как

раз к твоему приходу?

– Они меня подставить хотели, чего тут думать. Свалить на меня мерзкое преступление. Мол, я и есть преступница. И, между прочим, если кто-нибудь узнает, что я там побывала раньше, чем милиция, он вполне может так и подумать. Конечно, если мы не найдем настоящего преступника. Но на этот раз ты ведь не станешь капризничать? Ты ведь понимаешь, что надо защитить честное имя славной подруги... мое то есть...

Люся понимала, что иного пути у нее просто не осталось.

– Ладно, давай собираться к этой, к парикмахерше.

– К Тане Рябовой, – подсказала Василиса. – А что, интересно, мы ей скажем? Вчера я говорила, что я – тамада, массовик-затейник, а сегодня я скажу, что мы с тобой частные детективы, так, что ли?

– Придумаем. Ты пока одевайся, а я Малыша прогуляю.

Только Люся собралась приладить на собачью морду «упряжь», как в дверь позвонили.

– Вася! Он же весь намордник порвал, как я теперь с ним пойду?! Придется новый покупать. Нет, ты только посмотри!

– Нет уж, я лучше посмотрю, кто это к нам в очередные гости, – поплыла Василиса к двери.

На пороге нетерпеливо перебирал ногами Виктор Борисович Таракашин.

– Вася! Кто там? – крикнула из комнаты Люся.

– Никто! Таракашин, супруг твой недоделанный, – отве-

тила Василиса.

Виктор Борисович немедленно устроил ножки в третью позицию и оскорбился.

– Простите, что это у вас за жаргон такой? – принялся он нервно размахивать руками. – Если недоделанный, то сразу и супруг! Я бы на вашем месте не обзывался!

– Боже избави! Я только констатирую факты, – убила Василиса гостя телевизионными словами. – Вы же отец Ольги? Значит, супруг. А если не расписывались, значит, немножечко недоделанный.

– Вася, ну чего ты ему объясняешь одно и то же триста раз, – появилась в дверях Люся.

– Люсенька, звезда моя... Женщины, кота уберите! Так, на чем я остановился? Ах да! Звезда моя, пойдём в кухню, – изогнулся в почтении Таракашин и бережно ухватил Люсю под ручку. – Пойдем, дорогая, и пусть твоя подруга тебе завидует.

– Да зачем в кухню-то? – упиралась «звезда». – Опять будешь в загс звать? Так я же сказала – раньше не звал, а теперь и сама не пойду!

– Правильно, Люся, это он к тебе из-за наследства прилип, честно тебе говорю, – пояснила Василиса.

Таракашин скуксился. Ну, есть такое дело – отыскался у него случайно в Канаде батюшка-богачей, который с наследством чудит. «Отпишу, – сказал, – все тебе, ежели мне хоть одного родного внука покажешь. Да чтоб законного!» А где

ж его взять-то? Бабы чего-то не больно кидались от Таракашина рожать, одна вот только дура и отыскалась – Люсенька. Да и та никак в загс не соберется. Разбаловались тетки! Вот и ходит Таракашин к Люсе, на что-то надеется, глупые реплики ее длинноносой подруги Василисы выслушивает, а все потому, что страсть как хочет воспламенить к себе интерес. И, если уж совсем честным быть, надежда на наследство никакого житья не дает.

Прознав, что Людмила Ефимовна страшно увлекается детективами и даже в некотором роде сама принимает в них участие, он немедленно погрузился в пучину расследования. И всякий раз, когда ему удавалось кого-нибудь в чем-то заподозрить, он несся докладывать об этом Люсеньке. Если же никаких происшествий не случалось, он без зазрения совести попросту выдумывал их сам.

– Люсенька, булочка моя... Слушай, а чем там занимается твоя худорукая Василиса? Я же попросил убрать кота! – неожиданно взвизгнул Таракашин.

Непонятно отчего, но Финли из всех гостей выделял Таракашина особенно. Обычно гостей кот не жаловал, но с приходом Виктора Борисовича с животным творилось всегда одно и то же. Едва гость разувался, кот немедленно ложился на его носки и начинал терзать их когтями, ласково урча. Под носками страдали ноги Таракашина, но убрать кота не было никакой возможности. Уж что только не придумывали, не помогало ничего – кот впивался в носки и начинал мурлы-

кать.

– Это потому, что от вас, пардон, псиной воняет, – всякий раз любезно объясняла гостю Василиса. – Носочки надо чаще стирать.

Спасти от кошачьих когтей можно было, только сняв носки, тогда Финли утаскивал их в туалет и что уж там с ними делал, не ясно. Поскольку чаще стирать свои вещи Виктору Борисовичу не приходило в голову, теперь он всякий раз, придя в гости к Люсе, снимал носки и шлепал по полу босиком.

– Василиса! Чего вы стоите? – возмущался сейчас Таракашин, видя, как к нему легким бегом направляется кот. – Подержите кота, не видите, я еще не разулся! Люсенька! Люся! Я к тебе сегодня пораньше, у меня такая новость! Беги, моя ягодка, накрывай на стол!

Василисе никогда не нравилось такое пренебрежительное отношение к ее собственной персоне, поэтому с Виктором Борисовичем у них была крепкая, нерушимая война. Сейчас она близко подошла к Таракашину и властно ухватила его за ремень.

– Снимайте ремень, Таракашин.

– Это почему это? – насторожился ранний гость. – Люся! Что себе позволяет твоя подруга? Ва... Василиса... Олегонна! Ну держите же себя в руках! Н-ну-у, на нас же смотрят!

Василиса в руках уже держала его ремень.

– Вот, Люся, из этого можно петлю сделать и вместо на-

мордника для Малыша использовать. Ладно, вы тут сидите, обсуждайте свои новости, а я с Малышом прогуляюсь.

Приладив на щенка некое подобие намордника, Василиса поспешила на улицу. Что ж, она и одна поразмышляет над странностями событий в парикмахерской. И ведь как она только догадалась туда сунуться! А правда, как? Ах ты ж, память дырявая! Это же Пашка ее надоумил! А дело он не завел наверняка оттого, что точно знает – не вытянет. Интересно, кто же приходил к Пашке? И зачем? Хм, ясное дело зачем – предупредить об опасности. А почему, если такое дело, прямо не сказали той же Анне Петровне: «Анна Петровна, вы бы поаккуратнее, вас ведь убить мечтают!» Ну и что? И что бы она сделала? Во-первых, ни фига бы не поверила. Сама Василиса точно бы не поверила. А во-вторых? И почему, интересно, бант? Это каким же надо быть изувером, чтобы сначала придушить человека, а потом еще бантами его украшать! А для чего в руки несчастной сунули змейку? Василиса точно помнит – была у той игрушечная змейка. И как вошел преступник? Анна Петровна сама ему открыла или у него ключ был? Нет, так вслепую совершенно нет никакой возможности работать. Надо прийти к Татьяне Рябовой и осторожненько выпытать у девчонки все. Похоже, девчонка простовата, может, и скажет чего дельного...

В это время Таракашин сидел за столом на кухне, закатывал к потолку глаза и, как глухарь, токовал о проделанной

работе:

– И что ты думаешь, моя прелесть? Я ведь вчера раскрыл преступление века, да. Думаю, сейчас газетчики замучат, телевидение там всякое. Само собой, спросят про семью... – Таракашин скосил глаза на хозяйку и игриво пошевелил голыми пальцами на ногах. – А ведь признайся, тебе бы хотелось, чтобы тебя по телевизору показали, а? Платьишко бы красивое напялила, бусы какие-нибудь красные на шею повесила, да? Ничего не получится, не дала ты согласия делить со мною мои радости на законном основании...

– Подожди, – перебила его Люся. – Ты про какое преступление?

– Про обыкновенное. У нас из музея стащили картину Леонардо да Винчи «Сикстинская мадонна... с младенцем... на прогулке». Подлинник оказался. А я нашел воруго и вернул, так сказать, государству его имущество!

Люся, дабы не терять попусту времени, ловко лепила из творога сырники, швыряла их на раскаленную сковородку и, похоже, сожалеть о потерянной славе не собиралась.

– Ты не слышишь, что ли? – оскорбился бывший любимый. – Говорю, скоро я стану знаменитостью. Раскрыл преступление века!

– Ой, да не кричи ты так, слышу я. Только ты газетчикам не вздумай ляпнуть, что подлинник-то своровали, засмеют, – шлепнула Люся в кипящий жир очередной сырник. – У нас в городе, чтоб ты знал, отродясь подлинники не водились. Ни

Леонардов, ни да Винчи, ни Рафаэлев. «Сикстинскую мадонну», кстати, именно Рафаэль придумал. Хотя... «Сикстинская мадонна с младенцем на прогулке»... А может, и правда подлинник? Только ее кто-нибудь из местных изобразил. Под влиянием фильма. «Младенец на прогулке» видел? Может, кассету кто украл? Только это на преступление века не тянет, так что ты пока к телевизионщикам не торопись.

– Вот паразит, а! – хлопнул по столу ладошкой Таракашин. – Ну ты посмотри! Нет, ни единому слову верить нельзя! Взрослый же мужик, а как врет! Не язык, а бабий подол!

– Ну чего уж ты себя так, – махнула рукой Люся. – Хотя про язык ты хорошо сказал, самокритично.

– При чем здесь самокритика?! Это не про себя я. Это мы с мужиками собираемся иногда в гараже, машинешки поковырять, водочки попить, ну и новостями поделиться. Есть у нас там один такой – Гриня, язви его! Гришка водителем в ментовке работает, так он нам каждый раз такие страсти рассказывает...

Люся не очень прислушивалась к болтовне бывшего любимого. Она ловко кидала на тарелку готовые сырники и вовела со сковородкой.

– Если его послушать, так вся милиция только и держится на нем, родимом! – не умолкал Таракашин. – Вот вчера и рассказывал нам про преступление века – кражу бесценной картины. Якобы он сам ту картину отыскал и вора наказал. Искальщик хренов! Да не кидайся ты, Люся, в меня этими

лепешками! Лучше сразу скажи – замуж за меня пойдешь?

– Некогда мне по замужам разгуливать. Сейчас Вася с Малышом придет, а у меня еще конь не валялся! – отмахнулась Люся.

Таракашин обиженно поднялся, отряхнул с коленей невидимые пылинки и прошествовал в прихожую.

– Ладно, Люси, можешь меня не провожать. Не получилось сегодня разговора. А Гришке всю внешность избыю – так настроение испортить! И посмотри, куда твой животный мои носки упер? Мама дорогая, сколько с этими женщинами хлопот... – ворчал он, влезая в одеревеневшие носки.

Закрыв за ним дверь, Люся присела на краешек стула и задумалась. Думалось, конечно, не о Таракашине – из головы не шла парикмахерская. И как же это Васю угораздило не раньше – не позже туда заявиться? Конечно, куда теперь деться, надо подозрения от подруги отводить. Хотя пока и нет никаких подозрений... А вдруг какая из девчонок возьмет да и вспомнит, что должна была прийти в половине седьмого к начальнице некая Василиса Олеговна – договариваться о том, чтобы веселить гостей на юбилее несчастной? Отыщут Васю в два счета, а там пока что-то докажется... Вася в камере точно долго не продержится. Нет, уже проверено, пока сам не подсуетишься... И где, спрашивается, эта Василиса сейчас? Уже самое время идти к Рябовой, а она все никак пса прогулять не может!

Василиса заявила часика через полтора. Она торже-

ственно тащила на новом поводке щенка, а на ее голове красовалась вычурная шляпка с перьями какого-то погибшего селезня. Шляпка не совсем подходила для мартовской погоды, поэтому щеки и нос у Василисы Олеговны напоминали подмороженные листья капусты. Однако глаза ее светились счастьем.

– Люсенька! Обрати внимание, как мы с Малышом похорошели! Правда, мне идет эта шляпка? То есть я хотела сказать – Малышу поводок. Мы зашли в магазин нашему крошечке за намордником, но... Не злись, тебе мы тоже потом купим... такие прорезиненные сапожки, я там присмотрела... Я все поняла, Люся, мы немедленно идем к Рябовой Татьяне. Я уже готова! Только Малыша с поводка отпущу...

– И сними эту... приманку для уток. Некогда нам селезней привораживать!

Василиса облегченно вздохнула – пусть Люсенька говорит что угодно, но шляпка ей определенно к лицу, хотя снять ее и придется – перья отчего-то совсем не грели.

Уже в автобусе подруги наметили план – надо узнать адреса всех девчонок, работавших в парикмахерской, а если посчастливится, то и знакомых самой потерпевшей.

– Короче, Люся! – зычно диктовала Василиса, упрямо работая локтем в транспорте, поскольку какой-то тучный мужчина уже десять минут висел на ней всем весом. – Задача номер раз: расспросить у Рябовой, где проживают ее подруги. Потом – про родственников Анны Петровны, про мужа,

если у нее таковой имелся, и про врагов. Должны же у нее враги быть! А потом тихо подберемся к этим врагам.

– Вы б сначала, уважаемые, нашли к кому подбираться! – недовольно фыркнул висящий мужчина, повернувшись и за-слонив собой весь свет. – Настоящие враги, они всегда в засаде прячутся!

– Правильно мыслите, только дышите в сторону! – развернула его, как свиную тушу, Люся. – Вася, ты пока придумай, как тебя Рябовой представить.

– Приглядеться к ней, кстати, надо, – шепотом добавила Василиса. – Может, кто из девчонок так начальницу невзлюбил...

Из автобуса они шли почти молча, только Люся как-то странно поглядывала на подругу и не к месту подхихикивала.

– Ну что ты несерьезная какая-то? – не выдержала Василиса. – Я тут голову ломаю, что девчонке сказать, а у тебя голова черт-те чем занята!

– Совсем не черт-те чем. Она вон о том мужчине думает! Что-то он меня очень смущает, – хихикнула Люся. – Ну прямо смотрит и смотрит!

– Опять, наверное, моей косметикой губы красила?! А я все думаю, куда она девается?! Нечего трогать мой элитный парфюм, тогда и смущаться не придется. Я себе набор за двести пятьдесят рублей брала, сама берегу, а ты мажешься. Ничего удивительного, что на тебя мужики в транспорте пялят-

ся, – рыкнула Василиса.

Однако спину немедленно выпрямила и плавно перешла на шаг фотомодели.

– Так он не на меня смотрит! – снова фыркнула Люся. – Он на тебя глазеет! Ну просто глаз не сводит!

Василиса оглянулась. Чуть поодаль от них не спеша выбрасывал длинные ноги высокий мужчина. Смотрел он действительно на Василису. Брови у него были сурово сдвинуты к носу, губы кривились, и все лицо не выражало ничего хорошего. Неприятный тип. Хотя разве может быть мужчина неприятным, когда он так интересуется женщиной? И даже не просто женщиной, а именно ею – Василисой Курицыной!

Теперь Василиса еще и гордо выпятила грудь.

– Так я ж и говорю – ты хоть чем мажься, а уж если счастье поперет... Ну ничего, мы тебе тоже кого-нибудь найдем, – промурлыкала она Люсе.

Мужчина не отставал. Это было приятно, и посему дамы даже не заметили, как дошли до дома Татьяны Рябовой.

– О-ой, а вы чего? – долго моргала на пороге та.

– Мы, Танечка, к тебе, – светилась счастьем Василиса. – Вот, вчера не смогла прийти к Анне Петровне, а сегодня прихожу – нет там никого, а на двери бумажка. А тут и подружка под руку подвернулась – я, говорит, обещала девушке из «Клеопатры» денег дать взаймы. Я как узнала, так сразу и прицепилась к ней...

Татьяна слушала Василису, раскрыв рот.

– Когда договариваться-то будем? – напомнила та. – А то ты меня красила, стригла, вроде как я в долгу теперь.

– А деньги-то вы принесли? – допытывалась Татьяна.

Девушка вела себя несколько заторможенно – она только тупо тарасилась на гостей и хлопала глазами. Наверняка ее уже успели успокоить какими-то препаратами после всего увиденного в парикмахерской.

– Нам что, прямо здесь кошельком трясти? – кончилось терпение у Люси. – Ты бы хоть приличия ради чаем напоила.

– Проходите, – пожала плечами Татьяна и распахнула дверь. – Ну конечно же, проходите... В гостиную пожалуйста...те...

Подруги пожаловали. Таня жила в двухкомнатной квартире, но разобраться, где гостиная, а где спальня, было практически невозможно – все пространство было одинаково завалено какими-то тюками, ящиками и коробками. На коробках теснились жестяные банки с фикусами и розами, пышно цвел гибискус, собиравший на листья махровые гроздья пыли, а по всем стульям была расставлена посуда.

– Таня, ты переезжаешь, да? – наивно поинтересовалась Василиса.

– С чего это вы взяли? Придумаете тоже...

– Да тут у тебя такой бедлам... Прямо вокзал. Или ты только что переехала?

– Ну да, бедлам... переехала... – устроилась хозяйка на кресле. – Токо что. Мы с мамой в позапрошлом годе хату

разменяли, они дом купили, а мне эту. Токо у меня до уборки все никак руки не доходят. Да ну его, вы не обращайтесь внимания! Надо денег заработать да нанять кого-нибудь, пусть хлам разгребут! А пока видите, где приходится жить...

Девчонка, явно приехавшая из сельской местности в надежде превратиться в благородную горожанку, кривлялась перед женщинами на все лады.

– Вы это... пристройтесь где-нибудь... Так что вы сказать-то хотели? Ах да, вам же чай нужен!

Татьяна грузно поднялась с кресла, выгнулась, стараясь сделать это красиво, и тяжело понеслась на кухню.

Подруги пристроились на краешке потрепанного диванчика, который наполовину был завален тарелками и стаканами. Люся еще только подбирала слова, а Василиса уже беспокойно поглядывала на огромный будильник, который стоял у Татьяны на батарее. Ей казалось, что они непростительно здесь задержались, и потому беседу свела к самому минимуму.

– Танечка! – крикнула она хозяйке. – Ты нам быстренько напиши адреса своих подружек да возьми денежки... Вот, в сущности, и все.

Люся от возмущения задышала паровозом и ужасно выкатила глаза.

– А зачем вам адреса? – появилась в дверях Татьяна с ведерным самоваром в руках.

– Да мы с подругой открываем свою парикмахерскую,

штат нужен, а тут как раз весь коллектив в полном составе, – махнула рукой Василиса и поднялась. – А у тебя тут славненько. Ты, Танечка, пожалуй, не раздувай самовар-то... Мы торопимся. Ну что, Люсенька, пойдём? Не будем мешать девушке наводить порядок. А завтра вы с ней снова встретитесь и поговорите о новой работе. Кстати, Танюша, Людмила Ефимовна совершенно бешеные деньги платит своим мастерам, так что переписывай адресочки, не топчись зря... Да вообще, может, и адресочки завтра? Танюша пока как следует вспомнит. А сегодня, извини... Видишь, Люся, мы мешаем, отсчитай деньги, и пойдём.

– А чего мешаем? Садись отдохни! – зашипела Люся и резко дернула подругу.

Василиса всем весом ухнула обратно на диван, приземлившись в самый центр большого хрустального блюда. Под ее сидением что-то слабо хрустнуло, и женщины с ужасом замерли.

– Что там было? – почему-то шепотом спросила Василиса. – Хрустело так, будто там ячейка яиц.

– Да ну, кто тебя в яйца сажать станет... – побелевшими губами пролепетала Люся. – Так... кастрюлька какая-то...

– Это было хрустальное блюдо, – не дыша, проговорила Татьяна. – Мне... мне его на двадцать пять лет подарили. Еще дома, в деревне, мамка в сельпо брала... Да ничего, мне оно уже не нужно...

Василиса стала медленно подниматься, и с ее юбки посы-

пался хрустальный дождь мелких осколков.

– Васенька, ты у нас как Серебряное Копытце. Тот тоже искры метал, – решила подсластить пилюлю подруга, но Татьяна все испортила своим замечанием:

– У того козлика из копыт искры летели, а у вашей подружки все больше из...

– Так мы что хотели у тебя, Танечка, спросить... – попыталась прервать ее Люся.

– Нет, я па-а-апрошу! – вдруг озлобилась Василиса. – Вы меня только что инвалидом сделали! Какие могут быть разговоры! Срочно домой! Может, мне перевязка требуется! Может, я уже изрезанная вся! Домой!

У Люси кончилось терпение. Осколки блюда были такие маленькие, что им никак бы не удалось проткнуть плотный слой Васиных зимних, пардон, рейтуз. И если бы Васенька хоть немного пострадала, она бы уже давно верещала на весь квартал. Определенно Василису тянет на улицу, туда, где ее еще может поджидать незнакомец. Но дело прежде всего!

– Танечка, у тебя лед есть? Тащи! – скомандовала Люся.

Татьяна рванула на кухню с изяществом бегемота и вернулась с пластмассовой чашечкой.

– Вася, приложи к своим ранам, если найдешь их, лед. Нет, насыпь пока просто в штаны. Если его не хватит, на балконе возьми. А мы тут с Татьяной побеседуем... – ласково пояснила Люся.

Василиса несказанно возмутилась, скривилась, стойко от-

казалась от ледовой процедуры и обиженно примолкла.

– Таня, меня зовут Людмила Ефимовна, я действительно собираюсь открывать новую парикмахерскую и пока только приглядываю себе штат. Работницы «Клеопатры» мне понравились. Там была еще одна девочка... Кстати, как ее зовут?

– Юлька, – торопливо сообщила Татьяна и облизала пухлые губы. – Только она маникюршей работает. Вам маникюрши же тоже нужны, да? Ой, ее обязательно надо взять!

– Ну... конечно, а как же! – восторженно заговорила Люся. – А еще кто у вас есть?

– Еще Дашка Часикова, но я вам сразу ее не советую. Если платите хорошо, то лучше меня возьмите. Я могу и до ночи работать, и в ночь, когда приспичит! А если у вас вообще всего одно место, тогда и Юльку брать не надо. Она, конечно, профессионал замечательный, но у нее стоко денег, что она всю эту «Клеопатру» и сама купить может! – доверительно сообщила Татьяна.

– А отчего же тогда на хозяйку работала? Вот и открыла бы свою парикмахерскую, – понемногу вытягивала из девочки секреты Люся.

– Вы не поверите! Ей это совсем не нужно! – возмутилась Татьяна. – Юлька говорит, что она птица вольная, бумажная волокита ей без надобности, а деньги, дескать, для нее не проблема, вот! И еще что-то про пыль... Да! Работа, говорит, у нее не пыльная.

– Работа-то, может, и не пыльная, а все же самой себе хозяйкой быть всегда лучше. Ну мало ли, может, у вашей Анны Петровны характер был крутой, придиралась к вам... Это тоже ведь много значит.

– Характер у нее, конечно, не леденец, вредная была... Ой! Так же нельзя о мертвых, да? Мне так стыдно, стыдно... Она справедливая была, во! Бывало, находило на нее, ну да на кого не находит. Да она у нас и появлялась-то не часто, так токо – вечером придет, кассу снимет, поорет... ну, значит, голос повысит, немножко так, для дисциплины, и до следующего вечера. А потом... потом погибла...

– Таня, ты расскажи, а как вы узнали, что она погибла? – осторожно подошла к самому главному Люся.

– Нет, ну то есть что значит как? А чего не узнать-то! Мы ж и милицию вызвали с Юлькой! Главное, утром я как чувствовала – накрутилась голубыми теньями... Дай, думаю, за Юлькой зайду, может, она мне денег одолжит, я такое платье присмотрела – нож в сердце! Здесь вот все красное... Ах, ну да. Так вот, захожу за Юлькой, а она еще только встала. Я, значит, жду ее, матерю, поторапливаю то есть, как полагается, а то она ваще не соберется. Ну а потом мы, значит, идем, и чувствую я – опаздываем. Нет, ну Анна по утрам не часто прибегает, но кто ее знает, вдруг ей приспичит! Идем, значит, заходим... Юлька дверь открыла, а потом встала как вкопанная и молчит. И ни туда, ни сюда. И меня, главное, не пропускает. А потом такая бледная поворачивается и гово-

рит: «Надо, наверное, кого-то вызвать». И по стене поползла. Я тоже увидела и как заору... Тут и Дашка принеслась. Ну а потом я точно не помню, Юльку по щекам отшлепали, сами звонить понесли, милиция понаехала... Наша начальница, значит, скончалась. Золотая женщина! Всегда подойдет, по головке погладит, улыбается...

– Ну, ты так рассказываешь, что прямо не начальница была Анна Петровна, а чистый ангел! – засомневалась Люда. – Неужели и недоброжелателей у нее не было? Кто-то же ее убил...

Видимо, Татьяну очень всполошил этот вопрос, потому что глаза у нее разгорелись, а голос понизился до шепота.

– Это не враги! Я вам точно говорю – не враги! Это змейка! – громко зашептала она, отчего-то оглядываясь на дверь. – Вы знаете, у нас раньше девчонка работала... У нас вообще – кто токо не работал! Сонечка была, в декрет ушла. Роза еще... Она мне больше всех нравилась – такая интелгентная была, как я же, к прекрасному тянулась, всегда в долг денег давала... С фигуркой такая, красивенькая... Парень у ее был. Мы к ней даже на день рождения всем коллективом ходили – я, Юлька и Дашка. А месяца три назад, по-моему, или чуть больше на столике у нее появилась такая плюшевая змейка. Откуда взялась – никто не знает! Ну, а Роза-то ее не выбросила, а посмеялась токо, чмокнула змейку и дальше стала работать. А вечером, когда с работы шла, ее ни с того ни с сего машина – раз... и сбила. А все та змейка! И

у Анны Петровны тоже змейку какую-то плюшевую нашли. Я вам говорю – что-то тут со змеями связано. Токо я дальше работать в «Клеопатре» не буду. Я совсем этих гадов не люблю, змей разных, а то вдруг и ко мне эта дрянь ползучая пожалует...

– Так, может, у Розы игрушка случайно появилась? Подарил кто-нибудь... – предположила Люся.

– Ага, подарил! Кто подарит-то? И потом – парень у нее был, у Розы, я ж говорила. Чего кому-то зря деньги на ветер бросать, если она и так уже почти замужем? Мне вон никто не дарит. А Анне Петровне тоже подарили? Не, тут что-то не чисто, – выпучила глаза Татьяна и сама себя испугалась.

– А ты... – начала было Люся, но вдруг вспомнила про подругу: – Вася, а ты что стоишь, будто обелиск? Перекосилась вся... Ты что-то сказать хочешь?

– Я спросить хочу... – не двигаясь, пролепетала Василиса. – А лед сколько держать? Обратно вынимать уже можно?

Люся посмотрела на подоконник. Пластмассовая чашечка была пуста, зато под Васенькой медленно расплзлась маленькая лужица.

– А... памперсов у меня нет, – на всякий случай быстро предупредила Татьяна.

– Они уже не помогут, – прошипела Люся. – Наливай, Татьяна, полную ванну кипятка, будем эту Снегурочку размораживать...

– Но... нас же ждут... – мямлила Василиса.

– Знаешь, подружка, с твоей мокрой за... загадочной фигурой нам лучше отсидеться у Татьяны. Если ты, Танечка, конечно, не против.

Татьяна оказалась гостеприимной и приютила подруг на долгих три часа. Все это время Люся упрямо болтала с девушкой про «Клеопатру». Однако ничего конкретного про хозяйку та сказать не могла – просто не знала. Про других девушек тоже, потому как подругами они никогда не являлись – у каждой была своя личная жизнь, и никто друг к другу в эту самую жизнь не вклинивался. Зато Татьяна Рябова прилежно нарисовала на листочке, как найти дом Юльки, Даши и даже Розы, девушки, которая тоже пострадала, на ее взгляд, исключительно от змеиного яда.

Уже прощаясь, Рябова напомнила:

– А деньги-то?

– Ах ты! Чуть не забыла! – полезла в кошелек Люся и вытащила тысячу. – Отдавать не надо. Вот, на первое время хватит, а там, может, устроишься куда-нибудь...

– К вам, например, да? – радостно блеснула глазами девчонка.

– Ну... мне сначала надо все как следует разузнать, чтобы у всех вас была безупречная репутация.

Рябова тут же вытянулась по стойке «смирно» и чуть было не отдала честь, вероятно, решив, что так ее репутация лучше просматривается.

Домой подружки возвратились уже вечером. Никакого поклонника на улице не наблюдалось, конечно, и в помине, и от этого Василиса буквально ела подругу поедом.

– Люся! Ты мне скажи, что это еще за баловство с деньгами? – щурила она глаза в праведном гневе. – Откуда ты их вообще взяла – целую тысячу?

– Так это же ты себе откладывала на пряжу, – невинно заморгала глазами Люся. – А я подумала – Татьяне сейчас деньги нужнее. И потом, Васенька, ну ты сама посуди – девочки тебе и стрижку, и краску, и маникюр сделали. Ты не считала, во сколько это обошлось? Не жмись. Ты вообще в последнее время себя постыдно ведешь.

– Ну как же! Как только я про деньги, ты про стыд... И ничего я еще стыдного не успела!

– Стыдно, Вася. Ну как же ты с этим льдом-то... Прямо неловко за тебя, честное слово! А все тот «поклонник», мозги тебе закрутил! И ты тоже хороша! Что ж ты, как мужика увидишь, так у тебя мозги... прямо как тот лед, – тают, а? Ну, нельзя же так...

– Так я еще и дура? – не выдержала Василиса. – Сама меня усадила в какую-то чашку стеклянную, а я дура, да? А если бы там ножи-вилки лежали? Ты готова меня прямо-таки на шампур бросить, на кол готова посадить... И вовсе я не из-за мужика! Он мне и не понравился вовсе. У меня таких-то, как он, о-го-го... Вдруг он вообще преступник... Мы вот с тобой опять куда-то влипли, так, может быть, за нами уже

слежка по всем правилам?

Люся даже обиделась.

– Чего это, Вася, сразу и преступник? Мы, между прочим, еще и не начали как следует над делом работать. За что же за нами следить? А мне он показался очень даже ничего, и главное – тебе по росту подходит. А смотрел-то как...

Василиса стала медленно успокаиваться.

Даже пару раз она пыталась извернуться и рассмотреть ра- ны на сиденье, но никаких повреждений вовсе не было. И все же она не упустила случая в изнеможении прилечь на кровать и слабеющим голосом попросить:

– Люся, что-то мне нехорошо... Ты бы принесла мне ман- дарин.

– Вася, побойся бога! За ними ведь еще в магазин бежать надо! А у нас денег нет. Да и подумать надо, что там такое в парикмахерской-то творится. И ведь все всё видели, со змей- кой этой, от страха тряслись, и ни одна не задумалась – а кому бы могла так насолить замечательная вроде женщина Анна Петровна? Может, у нее враги имелись? А может, кто из клиентов чем недоволен был жутко? Все нам с тобой приходится... Вот что-то такое крутится у меня в мозгу... Надо, пожалуй, собранную информацию в тетрадочку записать.

– А может, все-таки в магазин? За мандаринами?

– А честь родной милиции? А Пашка – наполовину уво- ленный из-за своей лени? А ты – почти пойманная по подо- зрению в убийстве? В убийстве! И вообще – кто город-то за-

щитит?

Вероятно, Василиса решила, что, кроме них, некому, потому что сразу горестно замолчала и наморщила лоб – принялась думать.

– Вот ведь какая картина получается, – начала Люся. – Мы приходим в «Клеопатру»...

– Нет, – перебила ее Василиса. – С самого начала давай. Кто-то пришел в милицию и попросил помощи.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Люся. – Пашка же ничего такого не говорил, что приходили, помощи просили.

Василиса успевала кормить кота, гладить Мальша, массажировать свои потерпевшие органы и возмущаться:

– Ну а с чего мы с тобой в это дело ввязались-то? Вспомни! Пашка не хотел за него браться. А дело заводится, если человек сам пришел, заявление написал. По телефонному звонку какой дурак станет работать?

– Так, может, Пашка и не стал поэтому? Я ведь почему сопротивляюсь: если позвонили – это один разговор, а если приходили, тут совсем иной подход требуется.

– К кому?

– К тому, кто приходил! И как-то к Пашке надо подобраться – спросить, как выглядел тот прихожанин. Но ведь Пашка не скажет! Вот и надо все продумать. – У Люси уже загорелись глаза. – В самом деле, как же Пашку остороженько расспросить, кто в милицию приходил?

– Ага... расспросишь его остороженько. Он тебе отве-

тит... Но подумать над этим стоит. Идем дальше. Я прихожу в парикмахерскую... заметь – ничего подозрительного не наблюдаю, девчонки говорят только о предстоящем юбилее. Ну, я и хватаюсь за этот юбилей как за соломинку. Я уже, честно говоря, думала, что дело у нас в кармане. Всего и мудрости – напоить гостей и побеседовать с ними по-умному.

– А преступник еще умнее оказался, – невесело хмыкнула Люся. – Нет, Вася, надо всех девчонок расспросить, может, кто-то из них слышал угрозы в адрес потерпевшей, может, скандалил кто с Анной Петровной... Должны были девчонки что-то слышать... Или это кто-то из них с хозяйкой расправился, потому что о том, что она будет в это время в парикмахерской, никто, кроме них, не знал.

– Вот уж секрет! – не согласилась Василиса. – Да она всегда деньги приходила забирать в одно и то же время. И потом, она сама могла сказать домашним, друзьям или я не знаю кому: так, мол, и так, я в шесть в «Клеопатру» иду, надо деньги взять, себя в порядок привести, маникюрчик...

– Не увлекайся, я поняла. Слушай, Вася, а ведь маникюр она и в самом деле могла накануне делать. В день юбилея у нее наверняка времени на это не нашлось бы, – вдруг сообщила Люся.

– Тогда что получается? – насторожилась Василиса. – Тогда получается, что последний, кто видел потерпевшую, – Юлька.

– Завтра же с утра к Юле Бусиной! И все по тому же сце-

нарию!

– И еще... Люся, я вот все время думаю... А зачем убийце надо было еще и змею вкладывать в руку Анны Петровны?

– Не иначе как убийца этим что-то сказать хотел. Только вот что? Если учесть, что змея – символ мудрости... При чем здесь мудрость? – наморщила лоб Люся.

– Змея еще и символ гадости, – осторожноенько добавила Василиса. – Может, кто-то как раз это имел в виду.

– Нет, Вася, давай сначала девчонок спросим. Поговорим прежде всего с Юлей Бусиной.

Бусина жила недалеко от дома Люси с Василисой, поэтому сыщицы решили добираться пешком.

Юля гостей, видимо, не ждала, поэтому немного растерялась, увидев на пороге двух дам. Подруги, чтобы не совсем огорчать хозяйку своим визитом, а также чтобы заранее выветрить из ее головы какие-нибудь подозрения на свой счет, явились с тортиком.

– Вы ко мне? – вытаращилась девушка. – А... простите, кто вы?

– Здра-а-ассте! – с дружелюбной улыбкой развела руками Василиса. – Она уже и не помнит меня! А что, разве Татьяна не говорила? А она нам тебя очень рекомендовала. Мы уж думали, ты нас ждешь с распростертыми объятиями. Вот и надейся на вашего брата – молодежь!

– Мы Танечкины знакомые, – начала вовсю врать Люся. –

Я открываю новую парикмахерскую, девочек себе умniejszych набираю, ну и беседую с ними. А как же, само собой...

– А вы... разве не вы к нам приходили прическу делать? – вспомнила Юля Василису. – Еще потом собирались тамадой выступать...

– Вспомнила наконец-то! Да уж, было дело, я приходила... – стусевалась та, но подруга пришла на помощь.

– Так я ж и говорю! – затараторила Люся. – Василиса у нас – профессиональный тамада, а я все больше по парикмахерскому искусству. Вот она мне и шепнула, дескать, работают в «Клеопатре» мастера – «золотые руки», а я уж и принеслась. А у вас там горе такое...

– Да ладно, проходите, чего в подъезде трещать. А торт чего притащили? Я не ем мучного. А из кулинарии и вовсе продукты в рот не беру. Там отравиться – как нечего делать.

– Да ничего, Люся съест, – махнула рукой Василиса и смело шагнула в дом.

Подругам сразу бросилось в глаза, что девчонка живет уж никак не на скудную зарплату маникюрши. Просторная прихожая сверкала зеркалами, удобные, стильные шкафы, шкафчики, пуфики, дорогая зелень в недешевых горшках, картины в изысканных рамках...

– Ты здесь одна живешь? – на всякий случай спросила Люся, робко входя в хоромы.

– Когда как, – просто пояснила девица и потащила подруг в комнату. – Вот, плюхайтесь в кресла. Сейчас телик включу.

Во! Кстати, я вчера такой классный диск урвала! Там такое кино, посинеете!

Девчонка быстро подскочила к огромному, как окно, телевизору, потыкала кнопками, и на экране побежали титры. Подруги умостились в глубоких, но неудобных креслах, и пока они думали, как же половчее начать беседу, Юльку полностью захватил сюжет фильма.

– Нет, смотрите, какие съемки! А эта акула... Ни фига себе! Интересно, это настоящая или сделанная? На компьютерную не похожа, а чучело такое ни за что не сделать... Или все-таки можно? Вот прикольно, если получится, да?

– Юленька, мы к тебе вообще-то по делу... – робко начала Люся.

Она скромно теребила тесемку торта, который хозяйка так и не взяла, и не знала, как начать разговор. Вроде бы девица не слишком была озабочена гибелью хозяйки, но кто их, молодых, знает. Вдруг сейчас на пол хлопнется и истерикой зайдется...

– А вам что, фильм не нравится? – искренне удивилась Юлька.

Она явно тяготилась гостями, но правила приличия требовали их как-то развлекать. Поэтому она с сожалением крякнула и щелкнула пультом. Экран погас, но зато замигали какие-то лампочки, и неизвестно откуда полилась забористая музыка.

– Тогда давайте танцевать! – заскакала хозяйка в центре

комнаты и потянула женщин из кресел.

Танцевать у подруг настроения не было. Да и какие танцы – только что убили несчастную женщину, которую девица знала очень даже не понаслышке! Разве танцы тут уместны? Но девчонка прыгала так увлеченно, что поговорить с ней не было совершенно никакой возможности, приходилось скакать. Василиса, тряхнув головой и натруженно вздохнув, выбралась из кресла и принялась трястись вместе с хозяйкой.

– Юля, а ты на работу не собираешься устраиваться? – подскочила она к девчонке и лихо дрыгнула ножкой.

– Да ну ее, работу, – отмахнулась Юлька, плавно покачивая плечами. – Отдохнуть хочу, все равно никто за ногтями не хочет следить.

– А чего ж сама себе дело не заведешь? Говорят, у тебя деньги позволяют...

– Да и пусть говорят... Там-та-ра-там-та-ра! Ну что вы так прыгаете? Вы что, музыки не чувствуете? Это же медленный танец!

Люся никак не могла расстаться с тортом, поэтому в скачках участия не принимала. Она только мотала головой из стороны в сторону, пытаясь не потерять нить разговора. Потом все же выкарабкалась из кресла и, прижимая к себе коробку, стала медленно кружить вокруг Юльки.

– Юля, а чего это нам все говорят, будто хозяйку какая-то змейка убила, то да се? – спросила она.

– Да чушь какая-то! Как это игрушка убить может? Сама,

наверное, на кого-то нарвалась, – отмахнулась девица и снова подскочила к пульта. – Я вам сейчас другую музыку включу. Там такой ритм! Та-та-та-та! Вы вообще ноги потеряете!

– Юля! Черт побери! Я не пойму, ты пьяная, что ли? – наконец догадалась Люся.

– Ну уж и пьяная! Выпила, да! Чтобы стресс снять! Давайте танцевать!

– Нет уж, фигу! Давай поговорим по-человечески! – не выдержала Василиса. Она только что отскакала минуты три, выбивая чечетку, и трезво рассчитала, что на большее сил у нее уже не хватит.

Подруги рухнули обратно в кресла и, прерывисто дыша, перешли к откровенному допросу.

– С чего... ты взяла... что она... нарвалась? – еле выговорила Василиса.

– Ну а как же! Мы вчера приходим, а она – на тебе, лежит! Ясно ведь – кто-то ее выслеживал, кому-то поперек дороги она стала! Вот у людей никакой совести! Мы же испугаться могли!

– А не мог кто-нибудь с улицы прийти? – допытывалась Люся.

– Кто? Ключей же ни у кого не было!

– А как же вы в парикмахерскую попадаете?

– Ой, ну чего вы такие непонятливые? – дрыгнула девчонка ногой.

Она хлопнулась в кресло и закурила тоненькую сигарету.

– Курите! – снова вспомнила Юлька о приличиях.

Люся брезгливо дернулась, точно кобыла от полена, а Василиса, дабы не прослыть дремучей, тоже отвалилась на спинку кресла, закинула ногу на ногу и выудила сигарету.

– Чего тут неясного? – продолжала объяснять хозяйка. – Мы приходим, открываем парикмахерскую... У нас у каждой свой ключ, а больше ни у кого ключей нет!

– Это мы понимаем, – поглаживала коробку с тортом Люся. – Было бы странно, если бы Анна Петровна ключи еще и соседям раздала. А... может быть... Таня или Даша к ней испытывали... недружелюбие?

– Вы сейчас надо мной просто издеваетесь! Вот так прямо измываетесь! Это у кого ж из наших ума хватит на такую гадость?! У Таньки? Да она ничего, кроме своего сада-огорода, в голову не допускает! У нее ж не голова, а кочан капусты! Она же даже зимой только о морковках думает! У нее мать с сестрой до сих пор за городом живут, что-то там садят не переставая, как зайцы-энэрджайзеры, а Танька круглогодично семена покупает. Не додумается до этого Танька. Она вот только-только речь нормальную осиливать начала и то все время путается. Ха! Вы бы слышали...

– Мы слышали. А Даша?

– Дашка... У нее только дети на уме да муженек ее придурочный! Вся такая домашняя, куда там! На себе мужика прет, а он ее же еще и погоняет. Вы на нее посмотрите – у нее же надеть нечего! А ногти?! Нет, с такими ногтями она

на серьезные поступки не способна. И зачем ей? Чего она поимела-то? Последнюю работенку потеряла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.